

NECROMISANTROP
ИЗ ТЬМЫ

Предисловие .

Перед вами вторая часть написанного моим воображаемым другом боевика от первого лица, являющегося полностью вымыслом его больного воображения, порой создающего ужасующие моё либеральное и более чем толерантное ко всем и вся сознание образы.

Автор настоятельно не рекомендует читать это произведение детям с неокрепшей психикой, беременным женщинам и вообще всем кто не прочитал первую часть.

Автор напоминает, что имеющие место события в книге не имеют ничего общего с реальностью, написаны под влиянием опиумного дурмана и посему все совпадения и имена случайны. Также автор по прежнему не пропагандирует и не разделяет расистских, нацистских, сионистских, русофобских, гомофобских и прочих экстремистских взглядов и настоятельно рекомендует обратиться к психиатру в случае появления желания повторить что-либо описываемое в данном совершенно больном и аморальном произведении.

Удачного прочтения)

***

Смерть... Так кратко и однозначно, нет ничего более краткого и необъяснимого, пугающего и в то-же время манящего, таящего в себе множество загадок и вопросов, ответы на которые мы узнаем лишь вдохнув её сполна.

Холодный февральский ветер прерывисто играет на саксафоне водосточных труб и ожидает аплодисментов, но эта фальшивая игра не впечатляет зрителей - отражающихся в мутных осколках битого стекла, восседающих в темном зале ночного неба звезд. Он недоволен и отчаянно завывает в оскалившемся острыми зубами осколков разбитом окне, пытаюсь докричаться до холодной и безмолвной луны, всё также безразлично глядящей на старания молодого музыканта. Лишь вдалеке слышится восторженный лай бездомных собак - истинный талант способны оценить немногие.

Ужасная техно-музыка сменила старания вечного начинающего маэстро, её резкий звук резал ухо, как может резать металл дисковая электропила. Спустя пару минут насилия над слухом, металлическая дверь мягко отошла от петель, и по освещенной потоком яркого безжизненного света комнате вновь пропел несущийся холод.

- Так, осторожно тут, мало ли что - грубо нарушил всю симфонию столь разной музыки приглушенный мужской голос. По полу пошли осторожные шаги, несколько раз пнувшие меня по почкам и ногам. Больно. Черт. Что тут происходит? Где Я?

- Всё чисто - отчетливо прозвучал хриплый, но в то же время высоковатый, подобный расстроенному музыкальному инструменту голос, это слышалось даже сквозь мою ватную глухоту в голове. Грубый голос доложил об обстановке в глотку шипящей рации.

- Этот готов?

- Жмур - раздражал всё тот же мерзкий, почти подростковый голос, оказавшийся ещё и картавым.

Кажется что сердце не бьется. Я умер? Нет, умер бы - этих противных, слышащихся сквозь глухоту голосов, как и наполняющихся ледяной ясностью мыслей в голове бы не было.

- УУУУУ абрек ебанный - гневно проговорил ещё один молодецкий голос и по моей ноге кто-то сильно врезал - будешь знать, как народ наш терроризировать.

Больно, обидно, точно жив. Картина проясняется...

Кто-то подобрал лежащий рядом со мной автомат, невольно покинул карман хозяина верный ТТ. А так хотелось бы рвануть его к себе и накормить свинцовыми леденцами этих рыщущих свиней, если бы не парализовавший тело инстинкт самосохранения.

- МАТЬ ВАШУ! САПЕРОВ СЮДА! САПЕРОВ!!! ЖИВО! НЕ ТЕРЯЕМ НИ СЕКУНДЫ!!! - прокричал грубый мужской голос в шипящую гадюкой рацию - УХОДИМ.

Комната пришла в оживлённое движение, почувствовалось, как опустел желудок квартиры, и кишечник подъезда проводит дефекацию.

Открыв глаза, сквозь муть запотевших линз противогаза Я увидел залитый слегка спёкшейся кровью грязный линолеум, страх так противно начал поедать меня изнутри. Точно не погиб. Отрадно. Со страхом шевелю телом... Даже не покалечен. С трудом приподнимаю туловище на руках и мутно видящиеся декорации обыденности поплыли в чудовищном вальсе, содержимое желудка просится наружу. Так, не блевать, иначе захлебнусь собственной блевотиной в противогазе. ССССС чёрт, шея, надеюсь это несерьезно. Переворачиваюсь на спину, облупившийся желтый потолок корчит рожицы своими серыми проплешинами.

Сколько Я пролежал? Вряд ли более десяти минут, иначе та огромная бомба в кладовке уже разнесла бы пол дома, не оставив от меня мокрого места.

Чёрт, соратник... Стены зала были обрызганы им, его не спас бронезилет.

СУКИ!!! - едва не вырвалось из глотки. А по лестнице в подъезде уже стучат тяжелые торопливые шаги. Саперы. Безжизненно разваливаюсь на окровавленном мною полу, не хочу обрадовать правоохранительную систему живым пленным.

Резвый бой моего сердца казалось, заглушает скрип подошв по линолеуму прямо перед моим ухом.

- Смотри-ка, как его а

- Ага, видать осколочком по шее, прям ювелирно - смаковали обстоятельства моей "смерти" саперы.

- Жаль совсем не оторвало.

Один из них склонился надо мною и сквозь запотевшие линзы противогаза смотрел в пустые серые глаза. В то время как внутри меня всё сжимается и переливается холодом, не дышу, стараюсь не подавать признаков жизни, выдав себя тем самым.

О Боги... Что делать? В такие моменты хочется воззвать к ним, но кажется, они итак видят всю сложившуюся ситуацию и уже помогают попавшему в затруднительную ситуацию Эйнхерию всем Асгардом.

- УХ ТЫ Ж Ё - удивленно проговорил один из них - фарш. Видимо случайно заглянул в зал.

- СЮДА ИДИ! От нас от самих сейчас и фарша не останется, две минуты осталось - возмущался грубый басистый голос и фигуры удалились в тесную кладовку.

ВАЛИ - подобно громкому и резкому вороньему крику сорвалось в моей голове - Беги пока не поздно, сейчас или никогда, это последний твой шанс. Нет, Я не шизофреник, но Я определенно слышу голоса... Ещё контузии и шизофрении не хватало.

Собираю волю в кулак, с максимальной осторожностью и быстротой поднимаюсь на ватные ноги. Уединившись в кладовой, эти олухи прикрыли дверь, потому увидеть меня вряд ли смогут, зато услышать вполне, учитывая, что эта хлипкая дверь в двух шагах от меня. Перед глазами всё плывет и мутнеет, не могу сфокусировать толком взгляд, гудящая слабость в теле пытается свалить меня с ног, а желудочные спазмы предательски гонят к кадыку рвотные позывы. Превозмогая себя, на ощупь хватаю с крючка первую попавшуюся куртку и подымаю с пола беспорядочно лежащие берцы. Шелест нейлоновой куртки едва не выдал меня, с максимальной осторожностью, слегка покачиваясь и едва держа равновесие, выхожу в пустой дверной проем квартиры, выпиленная и никому не нужная дверь стоит рядом. Опираясь на гнутые голубые перила, спускаюсь вниз. Бетон ступенек холодит ступни, судя по распахнутым дверям - жильцов эвакуировали в кратчайшие сроки, прежде чем начать операцию. Грабить квартиры было некогда.

Срываю с головы прилипший противогаз, на бегу одеваю шелестящую куртку. Первый этаж. Подвал не закрыт, уже хорошо. Распахнутая настежь глотка подвала дохнула мне в лицо теплым, сырым и затхлым воздухом. Притворяю за собой дверцу. В подвальном мраке шарю по карманам куртки, нельзя включать свет, заметят. Чудо что в подъезде никого не было. Надеюсь, остальные 3 выхода из подвала не закрыты. В объемных карманах «штурмана» нащупываю какие-то скомканные бумажки, складной нож и укомплектованную фонариком зажигалку. Похоже, что Я схватил куртку соратника, причём простреленную куртку.

Едва не влетев на бегу головой в укутанную в торчащий стекловатой изолятор трубу, включаю на зажигалке фонарик. Трясущийся лучик синего света освещает путь по плесневелому сырому подвалу. Едва не наступил в какую-то лужу. Последний выход к счастью оказался не заперт. Выбегаю из подвального мрака в подъезд. Нет, сразу через дверь нельзя. За считанные секунды пробежал на лестничную клетку между первым и вторым этажом, какое счастье, похоже эти лихие вояки прикинули, что не стоит им задерживаться, рядом с готовым вот-вот рвануть домом и поспешно свалили. Сбегаю вниз, распахиваю нерабочую железную дверь с домофоном и едва не споткнувшись, вываливаюсь на свежий воздух.

Перешлёпывая ногами, забегаю за угол дома. Глубокий мокрый снег совсем не резного палисада хрустит и чавкает под шерстяными носками, ступни пока ещё не совсем околели, но порядочно промокли. Пересекаю узкую дорогу и из последних сил бегу вглубь тускло освещаемых фонарями проходных дворов. Пальцы ног немеют от холода, но нельзя останавливаться.

Интересно, саперы уже нашли дополнительный детонатор в недрах бомбы?

Мне кажется, Я бежал целую вечность, как в один момент, рокочущей волной раскатился по округе ответ на этот вопрос, неслабо ударив по ушам. Сливаясь со зловещим гулом, пискливо завизжали восторженные сигнализации, зарукоплескали бьющиеся стёкла. Казалось, овации доносились со всех дворов и подобно безумной толпе сливались в дружный хор. Так прекрасно и мелодично, это погребальная песня моему храбро погибшему камраду, это мощный и разрушительный погребальный костер, такой-же, какой была и его жизнь. Я завидую ему, жди же белый брат, надеюсь мы ещё увидимся в Вальхалле.

Уши заложены, а в голове одно: «БЕГИ! БЕГИ! БЕГИ!».

Это был мой триумф, сегодня Боги на моей стороне.

В медленно движущихся мимо меня гусеницах домов начал зажигаться свет, к сожалению, взрывной волной лампочки им не побилло. Люди выглядывают наружу и пялятся на бегущего меня. Возможно, во мне они видят виновника случившегося, впрочем, в этом они правы.

Сигналящие и ревущие сигнализацией автомобили, будто нарочно пытаются выдать меня, требуя кирпича, кричат они о том, что Я здесь, что Я в городе, что жив, а

значит все в опасности. Бегу и не обращаю внимания на окружающую тревогу, на этот гудящий шум, это лишь декорации, звуковое и визуальное сопровождение моего побега. Я вырвался, я живой, значит не всё так плохо. Никаких мыслей в голове, только радость и рвущийся изнутри горький смех. Я СМОГ. ПОЛУЧИЛОСЬ! ЖИВОЙ!

Приглашающе светит желтым светом приоткрытая дверь подвала одного из облёванных обыденностью пятиэтажных домов, надеюсь, что там никого нет. Резко пробегаю по замусоренной лестнице в теплый подвал, и буквально падаю на холодный пол возле слегка тёплой бетонной стены. Превозмогая накатывающую всё сильнее слабость, снял покрывшиеся песком мокрые носки. Наконец Я обул ботинки и еле как, дрожащими пальцами зашнуровал. Шею жгло.

Ощупываю границы разреза, осторожно, как-бы не занести заразу. Видимо действительно осколком полоснуло. Попытка как-то сомкнуть разъехавшуюся и обнажившую мышцы шеи кожу, привела лишь к возобновлению кровотечения. Чуть бы глубже чиркнуло и хана, через жизненно важную артерию вытекла бы вся моя тёпленькая, алая, жизненно важная жидкость. Прямо чувствую, что артерия где-то рядом.

Чуть тщательнее обыскав карманы, обнаружил во внутреннем кармане куртки несколько спиртовых салфеток, пару широких лейкопластырей и небольшой пакетик со странными таблетками, очевидно метамфетамин. В моих штанах лежал начатый тюбик бактерицидной мази, стерильный бинт и нитка с иголкой, лежащие ещё с того момента как Я зашивал рану соратника, оставил в кармане и забыл.

Чёрт. Соратник... На кого ж ты меня оставил? Ну что-же, это был твой выбор. Разорвав обертку, Я вынул спиртовую салфетку - небольшой клочок пропитанной спиртом синтетической ткани, толком продезинфицировать рану которым не удалось. Аккуратно вытираю кровь куском стерильного бинта, свожу концы раны друг с другом. ЧЁРТ, по телу проходит резкий болевой удар, как от удара током. Стиснув зубы перебираю бранные слова, не отражающие всего того букета чувств, который чувствуешь когда скользкая от крови кожа выскользывает из сжатых пальцев и пальцы соскакивают на голое мясо. Превозмогая боль, тщательнее протираю шею и пальцы от крови. На этот раз Я к счастью смог удержать кожу и заклеить рану широким бактерицидным пластырем. Было бы

неплохо зашить, но от переизбытка адреналина в ещё не вылившейся крови – руки дрожат хлеще чем у последнего алкоголика с бодуна. Проводить операции в таком состоянии, не имея даже зеркала и хоть каких-либо средств дезинфекции очень трудно и более того, чревато осложнениями.

Кажется, у меня поднимается температура, или это от волнения? Но преодолевая слабость, подымаюсь и иду. Выхожу из подвала на уже успокоившуюся от сигнализаций улицу. Воздух веет тревогой. Я мог бы передохнуть в подвале, но страх быть обнаруженным и пойманным преодолел это секундное желание.

Чувствую себя покинутым, куда идти не знаю, лишь какой-то непонятный адрес крутится в голове, так смутно и расплывчато. Без оружия чувствую себя таким слабым и беззащитным, будто выброшенный из панциря моллюск. Пистолет был продолжением моей руки, но теперь её будто ампутировали. Но даже это не главное. ОНИ УБИЛИ ЕГО, НЕТ БОЛЬШЕ СОРАТНИКА. Теперь я один на один со своими мыслями и особо тяжкими преступлениями за плечами. Что делать? Нет ни оружия, ни соратника, ни денег, идти некуда.

***

Москва не спит даже ночью, проходящие мимо, качающие задницами бляди, стайки гопников с пивом и кучки модных клубных пидарасов с удивлением и даже тенью страха озираются на меня, их оживленные разговоры примолкают, когда прохожу мимо них. Злыми глазами раненного волка смотрел я на них, грузно поднимая взор в чёрное, истыканное белыми дырами звёзд небо. Страшно суки? Раненный зверь опасен вдвойне, потому как свиреп и жаждет мести. Подойди ко мне любой из них, то холодный и острый коготь моего единственного верного спутника – складного ножа расцарапает их глотки, как это он уже делал, будучи в руках Соратника. Затем, подобно голодному вампиру, я высосу всё это текущее алое вино, лишь затем чтобы восполнить запасы своей утраченной крови.

Тихо жужжащие ночные фонари всё также непрерывно освещают грязные лавочки своим чуть синеватым безжизненным светом. Подхватываю горсть кажущегося чистым снега и протираю лицо, на острых, почти царапающих кожу кристаллах льда виднеется кровь,

пытаюсь стереть её с лица и чувствую, что бровь разбита.

Интересно, как Я выгляжу со стороны? Берцы, простреленная дутая куртка, следы крови на шарфе. Глубокий капюшон толстовки скрывает мою бритую голову, сыроватый ветер бьет в лицо с кровавыми разводами и разбитой бровью. Этот ветер не пахнет морозной свежестью, он насквозь пропитан вонью бензина, выхлопных газов, перегара и дешевых духов, оскверненный ветер.

Слышится шум проезжающих и сигнализирующих вдали автомобилей, облепившая одну из лавочек кампания молодежи громко смеётся у меня за спиной.

"Акционировал за Русь" – сумел различить Я в этом ублюдочном смехе. "АКЦИЯ" – сумел прочесть Я на погасшей витрине магазина вдали.

Иду, просто иду, пока не кончатся силы, подобно зомби, идущему на зов, пытаюсь освежить в помутившейся памяти карту с улицами. Совсем недалеко прогудела сиреной несущаяся пожарная машина, чуть далее слышится сирена кареты скорой помощи. Чувствуется, как атмосфера в городе начинает понемногу закипать. А Я иду, несмотря на полное нежелание идти, вновь и вновь перенося вес тела с одной на другую, наливающуюся тяжестью ногу. Смутно представляю, где вообще нахожусь, какой-то лабиринт из серых панельных пятиэтажек. Не понимаю, к кому иду? Я не должен идти, Я должен был прыгнуть на гранату и отправиться в один из лучших миров. Черт, да каких миров? Да какая вообще разница? Возможно, Соратник бы сообразил, что нужно делать дальше.

Нет... Бред. Я должен. Я ДОЛЖЕН! Я должен продолжить РаХоВу. Я ПРИСЯГНУЛ, Я присягнул на верность Расе, поклялся кровью перед Богами. Это означает, что такова ИХ воля, и Я должен идти. Я должен бороться дальше. Боги испытывают меня, проверяют, каков Я в одиночку, ну что же, иду. Я иду на бой.

Мысли в голове перемешиваются, влезает друг на друга и я чувствую как становятся всё более похожими на несвязный бессмысленный бред. Просто иду.

***

Никаким боем посреди наставленных то в ряд то вразнобой одинаковых хрущёвок и обшарпанных зелёных

девятиэтажек не пахло, впрочем, как не пахло там Богами и Расой. Освещаемые тусклым светом работающих через один фонарей, казалось, что отличаются друг от друга они только названием, выведенным голубой краской на белом фоне, одинаковых табличек на их торцах, одинаковые названия. Но одно из них как-то всколыхнуло моё сознание. Точно. Думаю мне туда, что-то вспоминается с этим названием, что-то такое знакомое, не могу понять что. 24 - всплыло в моей голове. Это то, куда мне надо. Перед глазами уже кружится расплывчатый хоровод из огоньков фонарей и квадратных домов. Не могу сфокусировать зрение, организм требует покоя, кажется, Я потерял много крови и медленно умираю. Подволакивая негнущиеся ноги, нахожу нужный подъезд, застыл на миг и жму на блистающую кнопочку с цифрой 24. Жму и не отпускаю, динамик домофона противно пищит. Спустя показавшиеся мне вечностью 30 секунд, в динамике послышался тихий заспанный голос, возможно молодой девушки:

- Кто? - так протяжно и возмущенно. Спустя несколько секунд Я всё-таки расклеил слипшиеся холодные губы, и сквозь начавший уже мутнеть рассудок выдавил из себя:

- Хайль Гитлер! Я умер, иди за мной... - язык настолько заплетался, что можно было подумать, что говорит пьяный, если вообще из этого что-то было бы можно разобрать. В глазах сильно помутнело, и ноги подкосились, будто от удара по ним большим и мягким мешком. Врезавши мне в лицо - заледеневший бетон крыльца показался мне мягким и уютным, несмотря на веющий от него смертельный холод.

- Кто это?! Алло! Не молчите! Это ты? - услышал Я перед тем как услышать писк домофонной двери, сознание обуяла черная пелена.

***

Тьма стужается, становится такой вязкой и в то же время бархатной, она целиком обволакивает меня, всасывает и проглатывает. Тьма сжимает всё сильнее, не дышу, не чувствую тела, его будто нет, как нет и мыслей, лишь тьма и пустота. Тьма всё сильнее сжимает пустоту, и она взрывается тусклыми огоньками ночных фонарей. Я вижу с высоты очертания двора. Я помню, был я, умер здесь. Я лечу? Миг темноты и

я вижу себя со стороны, с высоты, вот он, это точно Я. Моё тело лежит и замерзает возле металлической двери в подъезд. Неужели это и есть смерть? Действительно умер? Тьма.

Вот видится из темноты мне сторбленная фигура. Она быстрым хромым шагом идет в сторону моего тела, ветер развеивает лоскуты рваного черного тряпья и обнажает синюшно белые, покрытые язвами костлявые руки. Из моей шеи опять течет кровь, тёплая, ещё живая кровь. Снова тьма. Сторбленная фигура в тряпье нависла над бездыханным телом. Чёрт, мне страшно. Резкий порыв ветра дергает глубокий черный капюшон мантии, обнажая на миг жуткое старушечье лицо, оно до ужаса костляво и покрыто трупными пятнами. НЕТ. Она нависла надо мною и кажется, хрипло шепчет заклинания. Волна тьмы и я уже не вижу своего тела, слышу шипящий звук, будто кто-то тащит по полу что-то вроде мешка с песком, этот звук слышится всё сильнее. Вернулось ощущение тела, чувствую, что мои пятки бьются о ступеньки.

- Тяжелый ты - послышалось перед провалом обратно в темноту.

"Умер ли я?" - единственный вопрос, над которым я размышлял. Кажется, что в любую секунду могу открыть глаза и проснуться, но не могу, тьма держит меня, или я ослеп? Чутко ощущаю чье-то присутствие, кто-то однозначно смотрит на меня.

Чье-то робкое касание кончика моего носа подтвердило присутствие. Меня собрались распотрошить на органы? Или меня всё-таки взяли? НЕТ, этого не может быть!

Чувствую также робкие, но уже более продолжительные поглаживания моей щетинистой щеки подушечками пальцев. Теплая ладонь ложится на мой лоб и нежно гладит по обритой голове, пальчик со слегка острым ноготком будто пытается стереть что-то над ухом. Татуировка - пара скрещенных немецких гранат в рамке геральдического щита, для знающего человека это говорит о многом.

- Спи... - прозвучал легкий, едва слышимый шепот. Шептать так заботливо, чисто и искренне может только девушка.

Что это? Моей щетинистой щеки легонько коснулось что-то теплое и нежное, облизнуло своим мягким теплом, согрело дыханием и исчезло, оставив легкую приятную щекотку.

Снова провал и глубокий сон.

***

Я расслышал, как он усмехнулся, после чего всё также смеясь, прыгнул на влетевший в окно предмет. Я слышу, как он смеется.

Комната вмиг озаряется слегка приглушенным звуком взрыва, взрывается пламенем и красным фонтаном брызг. Меня бьет взрывной волной и я, вздрогнув, подсакиваю.

- ХЫЫ ХЫЫ - с трудом выходит воздух из моего сухого как песок пустыни горла. Приподнимаюсь на локтях, чувствую, как руки дрожат, не могу ничего различить в темноте. С трудом ловлю темп дыхания, всё ещё задыхаясь и давясь воздухом.

- Что с тобой? Всё нормально? - раздался в темноте напуганный женский голос, он совсем рядом. Ощущаю, что нахожусь под одеялом в теплой постели. Где я?

- Ты, ты кто? □ задыхаясь, кричу в сторону голоса, едва различая в темноте движущийся ко мне силуэт.

- Тихо тихо, успокойся, всё хорошо - прозвучал голос совсем рядом - ложись, спи, завтра поговорим.

- Воды, пожалуйста - так жалобно и умирающе вырвалось из меня. Неужели я сейчас также слаб и немощен, как вырвавшийся из меня голос?

- Держи - протянул темный силуэт мне кружку с водой. Напиваясь теплой кипяченой водой, я разглядел в расплывчатом темном силуэте очертания девушки, в ночнушке.

Она забрала протянутую пустую кружку и рухнувшее в теплую постель моё тело вновь уснуло.

***

Утро надавило мягким светом. Лениво распахнув глаза, я увидел белый свет. Немного проморгавшись, этот свет сменился для меня узорами потолочной плитки, местами отходящей от потолка. Легкая, как дымок ароматной свечи желтоватая паутинка колыхалась в углу, на едва ощутимом, тёплом сквознячке.

Приподнялся и сел на кровати. Яркий утренний свет освещал скромно обставленную, аккуратную и чистую комнату, он буквально лился теплым потоком из окна, отражаясь от стенки с книгами, телевизора и компьютерного стола. Очевидно я в зале однокомнатной квартиры. Сквозь белый тюль, утренний свет мягко

отражается от матового циферблата часов, тонкие стрелки которых указывают на римскую цифру XII. Всё так чистенько и аккуратно, неужели меня не взяли? Куда я попал? Удивительно, руки не привязаны, ноги тоже свободны. Шея чешется... Аккуратно трогаю место пореза, подушечки пальцев нащупывают бугорки и торчащие нитки. Ощупываю лицо пальцами, на брови лейкопластырь. Подымаюсь и оглядываю своё тело, кажись похудел немного. Слышу, как в соседней комнате кто-то что-то жарит, видимо там кухня. Глаза бешено бегают по комнате в поисках чего-нибудь, что можно использовать в качестве оружия. Сознание охватила тревога, что я здесь делаю? Где я? Что от меня хотят? Бегло оглядев письменный стол, хватаю канцелярский нож и с треском выдвигаю лезвие на 4 сегмента, попутно обратив внимание на отсутствие решеток на окне, всего третий этаж и растущее до второго дерево. Нос щекотнул теплый запах блинов, услышав слегка шаркающий тапочками легкий шаг, плотно прилегаю к стене возле блистающей непроглядным ребристым стеклом двери. Нельзя терять бдительности. Тонкое и острое лезвие ножа в моей руке уже готово резать артерии и полосовать мышцы. Дверь распаивается и, не заметив моей скромной персоны прямо за спиной, в комнату входит среднего роста худоватая девушка с небольшой стопкой блинов в руках. Чёрт. Думаю, я зря переполошился, кажется это она. Она развернулась ко мне, обрамленное слегка вьющимися натуральными темными волосами, чуть грубоватое лицо улыбнулось мне милыми ямочками на щеках.

- Гляжу идешь на поправку - отчетливо и без капельки страха в голосе проговорила она, раздражительно приподняв на мгновение свои до неприличия правильные черные брови - напугать меня хотел?

Эти слова буквально обезоружили меня, раздели догола и забили в холодный жесткий угол. Глядя в коварное лицо со столь неестественными на нём голубыми глазами, ситуация показалась мне до боли комичной.

- Что молчишь? Язык проглотил?

- ДААА... - возвращаясь из, мягко говоря "пикантных" воспоминаний месячной давности произносил Я, говоря скорей воздуху, чем ей. Вот уж не думал, что когда-нибудь с ней встречу, впрочем, и она вряд ли рассчитывала на нечто подобное.

Со стуком поставив на табуретку подле дивана тарелку, она принялась пристально оглядывать моё замершее подобно нахулиганившему и пойманному с поличным мальчишке тело. Мне как-то не очень хотелось броситься, разорвать зубами всю её одежду, перегрызть сонные артерии и обезумев от страсти напиваясь кровью трахать её агонизирующее худенькое бледное тело – как Я это обещал с ней сделать при встрече, хоть она и не была против, по крайней мере, в пределах интернета.

– А я решила тут блинов тебе испечь, ты же мне писал как-то, что блины любишь, вот я и испекла, будешь? Еще не остыли.

– Может, вместе поедим? – преодолевая ком в горле, выдавил Я из себя, вспомнив, как писал ей про блины, что испеку их из нежной кожи с её выпуклых ягодиц. Такая противная дрожь пошла по рукам, похоже, что она заметила, что Я несколько взволнован.

После умывания и прочих утрене бытовых нужд, Я отправился на кухню, где меня встретила чашка чая с блюдечком сладкого яблочного варенья. Обмакивая блинчики в блюдо, и запивая теплым чаем, мы весело беседовали, улыбались, вспоминали свою переписку в интернете и разговоры по телефону – всё, что было между нами. Эти вздохи в телефонную трубку, фотографии, общение по веб-камере, смайлики в полных низменного разврата сообщениях и желание встретиться в реальности – вот и всё что связывало нас, если не считать разбавляющую обыкновенную животную похоть идеологию белого превосходства. А ведь именно она стала поводом для отправки двух цифр 8 в личку одной из социальных сетей, с этих цифр всё и началось, с этих двух поставленных на бок бесконечностей. Удивительно, но чем больше Я находил с ней общего в идеологии, тем меньше мы о ней говорили, сводя всё общение в откровенную пошлость и обсуждение того сколько у нас может быть детей в иллюзорном "белом мире". Да вот только моего предпочтения рукоблудию развод на «это дело» живых девушек она не одобрила, обиделась и назвав меня тупой похотливой свиньёй более со мной общаться не пожелала. Как же просто избавиться от человека в интернете: черный список, список невидящих, игнор-лист, антиспам – всё это придуманно для слабых людей, ведь на самом деле спам не настолько страшен, чтобы придумывать столько ухищрений против

простого бота, отправляющего одно единственное сообщение. Но всего этого достаточно чтобы раздавить всмятку все мысли и чувства собеседника, а возможно и искренне любящего человека, чтобы не дать им дойти до себя. Безразличие – вот высшая мера наказания для творческого человека. На самом деле ей оказался небезразличен этакий Казанова нарасхват. Думаю спустя ещё пару дней, она бы остыла.

А вообще, из меня вышел бы неплохой брачный аферист, а что? Спортивен, красив, при необходимости умею крайне ладно говорить, немного работы над собой и вышел бы вполне хороший годный жигало, не тошни меня от одной только мысли, что мною будут пользоваться как проституткой.

Удивительно, но именно это ощущение переполнило меня в момент озаряющего оргазма, выведшего из тумана похоти и удовлетворения животных инстинктов.

Интересно, соседи уже вызвали скорую и милицию? Неслышимые из-за громких стонов и змеиного шипения всплески остывшей воды, залили весь холодный белый кафель ванной комнаты. Блистающий своей чистотой и обильной влагой покрывался он мхом набухших половичков. Не очень то и удобно вдвоем в ванной. Она так громко дышит, такая тепленькая и уставшая. А ведь сколько крику было, сперва таких возмущенных и требующих прекратить, быстро сменившихся ответной лаской и поцелуями. Видимо ей просто не хотелось мочить одежду. Холодная плитка стены за гибкой ребристой спинкой явно мешает ей запрокинуть от наслаждения голову, выставляя напоказ краснеющую следами укусов и засосами тонкую бледную шейку.

– Ты меня любишь? – блаженно и так неожиданно прозвучало от неё, заставляя по-настоящему задуматься. Интересно, что отвечают в такой момент проститутки?

– Нет – честно осветил Я, думаю, иного ответа она не ожидала. Ответив на это блеском своих голубых глаз. Кажется, она всё поняла.

– Ну тогда сделай погорячее – подтверждая мои домыслы нарисовали в пространстве припухшие от укусов губки. Отвлечись на миг от её дьявольски прекрасных голубых глаз, Я вновь включил воду, как вдруг почувствовал быстрое шевеление. Она проскользнула у меня в подмышке, и вид загрубевших острых сосочков загородил мне весь вид шумно брызжущего теплой водой крана. Я почти рефлекторно обнял её и принялся подобно младенцу

обсасывать эти выделяющиеся на фоне блестящих от воды рёбер красноватые бугорки, как она, будто отвергая, плюхнула меня от себя в воду. Чувствую что-то мягкое и мешающее под собой, видимо это её футболка.

Как же она величава сидя на моем рельефном прессе, со всей нежностью поглаживаю это мокрое худое тело. Она очень странно глядит вверх, будто вместо беленого потолка видит небо. Не достающие до сосков черные крысиные хвосты черных вьющихся волос напрашиваются на сравнение со змеями медузы Горгоны, нашедшей лучшее применение своему Гераклу, чем в качестве каменной статуи. Будто молясь кому-то наверху, воздела она свои руки вверх. Про таких как она говорят не иначе как "доска два соска", если бы Я не общался с ней ранее - не позарился бы на это худое, почти мальчишеское тело. Проскальзывая и стопорясь, съехала её попка ниже, руки опустились мне на плечи и, улыбнувшись, она сказала, что научит меня любить. Хотелось бы верить. Надеюсь намокание раны на моей шее не грозит чем-то серьезным.

Кажется, эта страшноватая безгрудая сучка насытится еще не скоро.

***

Я не готов, Я никогда не был готов к такому повороту событий, почему всё несется так быстро? У меня уже нет сил, мне не успеть за несущимся поездом перемен. Чуть больше чем неделю назад в обыденном болоте моего жалкого существования казалось бы насупил яростный просвет. Я никогда не мог делать что-то самостоятельно, всегда нужен кто-то кто составил бы мне компанию, самостоятельно Я пожалуй только пришёл к идеологии белого превосходства. Любые мои попытки быть самостоятельным никогда не приводили ни к чему хорошему.

Я помню тот день, точнее вечер, точнее темную летнюю ночь, когда молодой парень одиноко сидел на качелях одного из многочисленных дворов родного провинциального ЭМска. Холодный свет одного из работающих через один фонарей подчеркивал очертания его одежды, придавал мужественности покрывшемуся торчащим пушком подбородку. С виду ничем не примечательная фигура, не покачивайся она на скрипящих зубами ржавых звеньев цепи качелях уже битый час. В окружающих пятачок детской площадки цитаделях

девятиэтажек уже погасли все огни, вокруг не было ни души, но он всё ждал. В тени клетчатой бейсболки, окутанной иссиня черным капюшоном, казалось бы, светилось два кроваво-красных огонька. Нет, это лишь пафосная аллегория, но тому парню и впрямь казалось, что от переполнявшей его ярости вот-вот вспыхнут красным глаза и рано или поздно его новый холодный и не очень острый выкидной во всех смыслах нож насытит землю грязной и теплой кровью. Скрипели в такт качелям зубы, нет, у него не было глистов, этих пожирающих изнутри паразитов, в нём зарождалось нечто пострашнее. Он наконец то решился на отчаянный и очень рискованный шаг, страх и сомнения трясут сжимающую дешёвый пластик угловатой рукояти руку. Дрожь усилилась, как только мантра из скрипов качелей сменилась булькающими басами подъезжающей издали черной "семерки". Из остановившейся, наполненной волосатыми гориллоподобными выходцами вероятно из Закавказья детища российского автопрома, изрыгнулась небольшая хрупковатая девушка. Она была частью иного мира, чем её кавалеры, но уже сполна вдохнувшей всей его грязи. Красивая наружность, но с внутренностями малолетней бляди. Вероятно, она и жизни то не видела и не задумывалась о ней, кроме как всматриваясь в покрытие салона припаркованной в ближайшей лесополосе машины. Мне всегда было интересно, почему мы с ней так мало и редко гуляли, казалось бы, Я любил её, а она искренне любила меня. Это было как нечто такое романтическое, вроде любви Тристана и Изольды или ещё кого из этих выдуманных романтических сказок. Ей нравились мои наполненные любовью к ней и расе стихи, её восхищала глубокомысленность моего слога, ладность и сюрреализм произносимого. Я не мог позволить себе даже лишний раз прикоснуться к ней, настолько она казалась мне чистой и непорочной. Но вскоре моё романтически-героическое сознание посетила хохотливая действительность, такая противная и грязная, налипающая смердящим черным гноем на душу. Она посетила меня неожиданно, будто следила за мною, точно также как и Я решил проследить за «своей» девушкой, мне просто стало интересно, куда она пойдет после очередной романтической прогулки... Пройдя пару дворов, шлюха-действительность ошарашила меня молотом ярости по голове, это было нечто сверх из ряда вон выходящее, мою любимую, чистую и непорочную девочку уже ждала та самая черная семерка с

поджидающей её кучкой толи армян толи азеров, в сортах говна как говорится пусть разбираются расологи. После того, как её прекрасную талию обхватила волосатая чуречья лапа, мне перестало казаться что это бред и какое-то дурацкое совпадение, ещё меньше мне стало так казаться после того, как она прыгнула в этот ара-мобиль. Моя романтичность растворялась, как и поднятые колесами ревущего недоавтомобиля клубы дорожной пыли.

Сперва я был просто ошарашен, произошедшее никак не вписывалось в представления шестнадцатилетнего романтика-расиста о жизни. Возможно, во мне именно тогда умер тот самый худой очкастый романтик, взамен которого зародился маньяк-расист. К сожалению, Я был ещё слишком глуп, потому спустя неделю жесточайшей депрессии и тлеющего огонька ненависти, я набрался смелости и особо не выбирая купил дешевый выкидной нож, которым собирался буквально распотрошить блядскую тушку той роковой обманщицы, к слову она даже ни разу не позвонила за ту неделю.

Я всегда думал что поистине дурацкие моменты бывают лишь в фильмах, но после того как в самый ответственный момент мою выкидную зубочистку наглухо заело, я понял какой я идиот на самом деле. Избиваемая моими тогда ещё дистрофичными руками визжала она как свинья, она узнала меня, но я не узнавал её, это была другая, продавшая своё тело и душу незнакомая мне шлюха. Та чистая и непорочная девушка умерла вместе со мной, остались лишь пьяная блядь и свихнувшийся маньяк в белом наморднике медицинской маски. Темная арка казалось бы многократно усиливала разыгравшийся в ней драмтеатр криков боли и отчаяния.

- ЭЭЭЭ БЛЯ - раздалось разъяренное чуречье бляенье, кричащей овцой врезалось оно в моё сознание, так неожиданно и совсем близко. Спиной Я почувствовал, что они приближаются, и рванул со всех ног. Бешеный бой сердца, холод по телу и гулкий бой в висках.

- СТОЯТЬ СУКА!!! - раздавался по округе пронзительный крик - ЗАСТРЕЛЮ ПАДЛА!!!

Хлопки выстрелов проносились по двору и отражались от домов в пустоту гудящим эхом, все 8 выстрелов, кажется я даже слышал как разбилось окно и несколько раз клацнули по бетону пули впереди меня. Никогда ещё не бегал так быстро, мои ноги с приличной скоростью пронесли моё худошавое тело километров 10, проходные дворы и редкие огоньки окон буквально мелькали перед

глазами. В ушах всё повторялись эти крики и звуки выстрелов. Земля казалось, сама передвигалась под облаченными в камуфляж ногами, подобно бешеному неровному конвейеру. А ведь у них были стволы, боевые стволы и только благодаря везению я не слёг тогда с разящей пулей в теле.

Я совершил огромную ошибку и осознал это до конца уже лёжа в больничной койке. Перелом нескольких рёбер, ключицы, пары пальцев, челюсти, пробитая голова и сильнейшее сотрясение мозга, после которого я ещё долго путал произносимые буквы - таковой была цена совершенной ошибки. Глупо было полагать что те здоровенные борцухи не найдут меня. Повезло ещё что жив остался, наверное, потому что вовремя вырубился и меня приняли за мертвого. Странно, но только после попадания на больничную койку, преодолев эту бесконечную боль и рвоту, я осознал все те простые истины, что знал и до этого, но теперь прочувствовал на своей шкуре. Осознание вырвалось из меня всхлипывающей смесью одновременного смеха и плача, сковывающихся лишь сильной болью и лишь луч света правильной идеологии не давал мне отчаяться и покончить с собой, как хотел уже сделать однажды. Тогда, именно тогда, лежа таким жалким и беспомощным в гипсе, я ощутил в себе прямую линию с совершенно иным миром. Более я не читал о нём, не писал уже забытые стихи, а лишь молчаливо чувствовал эту связь с древними предками - славянскими и германскими варварами. Возможно, тогда ещё они не знали, что значит лицемерие, ложь и предательство, зато замечательно махали топорами и мечами в целях сохранения своей расы и народа. Глядя на облупившиеся желтые стены палаты, я не думал ни о чём, лишь отмечал то, что я не такой как спящие по коридору и лежащие со мной в одной палате люди, да и вообще не такой как все они. Не знаю, как по остальной больнице, но моя палата больше напоминала кунцкамеру, яркую презентацию уродства и дегенерации. Детские визги и топот в коридоре, будто снова били меня ботинком по черепушке. Хотелось взречь и со звериным рыком перегрызть всем им глотки, но физическая и душевная боль подавляла мою волю.

***

Утро вновь озарило комнату, но уже не ярким и игривым, а хмурым и тяжелым, будто насильно принужденным светить светом. Он полностью соответствует моему состоянию. Ощущение как в алкогольной юности, будто жрал всю ночь дешевое пойло, а потом ещё и плюхами отполировал. Не очень приятно просыпаться в таком состоянии, да ещё и в объятиях малознакомой и кажется не совсем адекватной похотливой самки. Весь вчерашний день в туманных воспоминаниях, ощущение, что снова девственность потерял, будто опять нажрался коктейлей и в качающем пьяном угаре вступил в порочащую связь с павшей девицей, прилично облевав её в процессе. Нет, Я не родился сверхчеловеком и никогда им не был, чтобы им стать, я должен разрушить себя до основания и выстроить заново.

А она всё ещё спит, вьющиеся волосы растрепались и взлохматились, подобно темной плесени пожирающе охватили они больнично белую подушку. Я осторожно взял небольшую их прядь и игриво пощекотал кончик её немного сторбленного носа, придающего некой семитскости её вполне европейской внешности. Она оправдывала это тем, что просто ударилась в детстве о батарею. Гляжу как она просыпается, как раскрываются полные ясности голубые глаза, слышал в глазах только только проснувшегося человека можно увидеть душу.

– С добрым утром – улыбнувшись и как-то немного смущаясь, проговорила она, так чисто, совершенно не соответствующе окружающей обстановке.

Я не знаю что на меня нашло, какой-то всплеск отчаяния и ненависти к себе, он скопился где-то у меня в груди и мокрой волной разошелся по телу, перехватив дыхание, выплеснулся он через глаза. Я просто обнял её и заплакал, искренне, по настоящему, впервые за столько лет. Капля за каплей выходила из меня накопившаяся боль, но в миг всё это прекратилось, громким и резким шлепком.

– Хорош! Мужчина ты или тряпка? Прекрати ныть! – совершенно иным, грубым и жестоким тоном выкрикнула она, краснея от злости, точно также как краснеет моя щека от её удара. Вмиг я почувствовал стекленеющую ясность, целиком и полностью заполнила она мой мозг, ставя меня лицом перед фактами и серьезными вопросами.

– Я ненавижу, когда кто-то ноет! Если ещё хоть раз такое повторится, я тебя убью. Понял? – гордо и зло поставила она меня перед фактом, не предупредила, а

именно поставила перед фактом. Такая злая и сильная, в жизни ещё не встречал таких. Мне уже совсем не хочется размножить гордую голову этой горгоны и грубо надругаться над агонизирующим телом, мне просто хочется схватиться за голову и заорать от отчаяния. И в то же время мне так холодно без её объятий.

- Что пасть разинул? С добрым утром!

***

Я мечтаю спасти белую расу, но как это сделать, если расы как таковой нет? Я люблю белую расу, несмотря на то, что её нет. Я влюбился в созданный мною образ расы. По моему мнению, Я соответствую этому образу, отчасти. Она тоже соответствует, только на словах.

- Вообще круто, но правым до такого ещё ой как далеко, чурки скорей всего, алях акбар - паясничает она, увлеченно глядя последние видеорепортажи о происходящем в Москве.

- Почему ты так думаешь? - глядя как в порывах нескончаемой злобы обливаются слюной журналисты и телеведущие, поинтересовался Я.

- Да сам посуди, откуда у правых огнестрельное оружие и взрывчатка? Нет, я конечно знаю, что при желании всё это достать и сделать можно, но хватит ли духа? Скорей всего какая-то правительственная подстава всё это, в связи с надвигающимися выборами, хотят рейтинги себе поднять, вон ведь, сколько всех посадили, при том, что ничего такого правительственно важного за последнюю неделю не пострадало. Вон вспомни взрывы домов в 90е, то же самое и сейчас, жизни сейчас ничего не значат - рассуждала она. Обожаю когда девушки пытаются рассуждать, умная она однако, брюнетка, не знай правды - я бы охотно поверил во всё это.

- А ты бы поверила, что всё то что произошло в последнюю неделю, сделали всего несколько человек? Скажем человека два или три - вот так вот в лоб спросил Я.

- Знаешь, вполне реально, но только при одном условии, что это были бы как минимум Рембо и Терминатор, которым подсказывал как минимум Тайлер Дэрдэн из бойцовского клуба.

- А ты способна убить человека? - проигнорировав её насмешливый ответ, вновь спросил Я.

- Да, способна. И ты будешь первым, если не расскажешь, что тебя ко мне привело...

- Я бы рассказал, да как-то не очень тебе доверяю, боюсь, да и вообще не стоит тебе знать того чем я занимался последнюю неделю.

- Ах вот ты как. Я подобрала тебя замерзающим на улице, а ты значит вот так, давай рассказывай.

- Ну ладно, расскажу, ты только не психуй ладно? То что Я тебе сейчас расскажу, может навсегда изменить твоё ко мне отношение и возможно перевернуть всю твою жизнь. Ты готова? - так серьёзно и сосредоточенно начал Я свою речь.

- Ну, давай, рассказывай, я вся во внимании. Прямо интересно, что такого ты сейчас расскажешь.

- Эээээ ну в общем мы с пацанами решили стогнать на гиг, потом решили прыгнуть на чурок тут неподалёку, но нас шафки накрыли, Я до последнего дрался, нескольких порезал, потом мне один ножом по шее попал, Я всё думал, пиздец мне. Они резво разбежались, Я уж думал что сдохну. Но мне повезло что ты тут рядом живёшь, дошел до тебя и свалился возле подъезда. Спасибо тебе за всё, ты меня спасла - В довершение своего рассказа я нежно поцеловал её губы - Спасибо.

- Да не за что, но Я сразу поняла, что не стоит скорую вызывать. У тебя там несерьёзный порез был, хоть и выглядел ужасно. Я люблю тебя.

После этих слов мы вновь слились в нежном поцелуе, она охотно поверила в мою ложь, хотя явно понимала, что на самом деле всё не так. Уж очень много несостыковок, да и вообще выглядит это всё фантастично.

- Ты хороший, очень хороший, очень светлый и добрый человек, я это вижу и очень ценю, но теперь расскажи мне правду, хорошо? Терять то тебе нечего, Я ведь вижу. Какой гиг? Какие соратники? Какие шафки? Расскажи, ведь тебе уже всё равно, Я же вижу. - Её слова были полны нежности и кажется искренности, всё-таки моя ложь не подействовала, слишком уж неубедительные аргументы для такой девушки как она, слишком хорошо знающей мою натуру.

- У тебя ведь дырки от пуль на куртке, кровь в ней засохшая, а рана на шее рваная, совсем не как от ножа. Ещё и магазин от пистолета в кармане штанов твоих был, с патронами. Может, ты не будешь больше лгать? □ Её слова были убедительны, а во взгляде не читалось и

капли укора, Я просто следил за её губами, вырисовывающими в пространстве красивые слова, коими она пытается подкопаться под меня, узнать побольше, утолить скребущее изнутри любопытство.

- Всё-таки обшмонала - изрёк Я с неким недовольством.

- Ну а как я должна была стирать шмотки твои? Кстати кровь кое-где так отстирать и не удалось, шарф вон весь в бурых пятнах. Ну, ты давай, рассказывай.

- Есть вобщем за мной кое-что посерьёзнее баловства, да боюсь как-бы мне не пришлось убить тебя после моего рассказа. Так что давай лучше посмотрим телевизор, может передача какая начнётся, ну мне так проще будет рассказывать.

Но по телевизору шла реклама.

Однако спустя десять минут нашего совместного молчания, реклама прокладок, лекарств и шоколада сменилась тревожной музыкой очередной из новостных передач.

- В эфире новости и я её ведущая Валерия Либерман. Коротко о главном. В Москве были задержаны члены экстремистского сообщества, подозреваемые в совершении тяжких и особо тяжких преступлений. Подозреваемым инкриминированы обвинения в массе убийств, разбоев, грабежей и совершении террористических актов на территории Москвы, а также незаконное хранение и изготовление огнестрельного оружия и взрывчатых веществ. Участники банды называют себя не иначе как «Белая месть», по оперативной информации именно к их группировке принадлежала одна из так называемых «ячеек белого сопротивления», подорвавшая жилой дом на окраине столицы. Также по оперативной информации было установлено, что взрывы в эМске, а также массовый расстрел в церкви это дело рук их сообщников из так называемого «славянского фронта по освобождению Руси от инородной оккупации». При задержании было оказано сопротивление, в ходе которого двое сотрудников правоохранительных органов были убиты, трое получили серьезные огнестрельные ранения. На данный момент в столице многократно усилены патрули, введён комендантский час, ведутся поиски остальных подозреваемых - протараторила тревожный текст дикторша. На следующем кадре была уже показана оперативная съёмка непосредственно задержания.

- На этих кадрах мы видим как бойцы СОБР штурмуют одну из квартир на окраине столицы. - Произносит голос за кадром.

На видео видно как группа вооруженных бойцов СОБР продвигается по лестничной клетке, а в обитую дерматином хлипкую деревянную дверь уже стучится участковый полицейский, спустя мгновение слышится разговор, понятный и без сопровождающих запись субтитров.

- Участковый полицейский Ярёменко, откройте пожалуйста дверь

- Какого х<цензурный писк>я я должен тебе открывать мусор? Пошел нах<цензурный писк>й

- Попрошу не выражаться, на вас поступила жалоба от соседей, что вы буяните по ночам, людям спать мешаете, открывайте или я вызываю пожарных, и они демонтируют дверь, далее уже будем разговарива...

Не успел он договорить, как из-за двери приглушенно хлопнул выстрел, и резко дёрнувшись, участковый схватился за раненое плечо и с истошными криками свалился на бетон, начал по нему елозить как в эпилептическом припадке. СОБРовцы резко перегруппировались, а дверь с промежутком в две секунды пронзило ещё несколько выстрелов.

- Х<цензурный писк>й возьмете г<цензурный писк>ны <цензурный писк>аные.

После этой фразы в дверь в ответ посыпались очереди из "каштанов", один боец попытался оттащить хлюпающий кровавой кашей изо рта уже очевидно труп участкового.

Далее видео прерывается и на следующих кадрах видно, как на паласе вниз лицом со спущенными штанами лежит четыре человека в наручниках, ещё один в неестественной позе и без наручников, труп. Чуть дальше лежит изъятое оружие - обрез трехлинейки Мосина, обрез охотничьего ружья, ПМ и CZ75 - пистолет чешского производства.

После чего, объектив камеры перемещается в сторону висящего на стене флага со свастикой.

- Сообщается также, что несколько участников банды на данный момент находится в бегах, вот их фотографии. - Проговорила диктор, и на экране было показано несколько фотографий, названы паспортные данные и особые приметы, а также обещание крупного денежного вознаграждения за ценную информацию об этих людях.

- Офигеть, так ты что? Один из них? - распахнув от удивления свои голубые глазки, с некой ноткой испуга произнесла моя единомышленница.

- Да нет, не из них, тут всё гораздо проще, но вряд ли ты поверишь конечно.

- Ну, так расскажи, не клещами ведь из тебя каждое слово тянуть, много трупов за тобой?

Тем временем по телевизору репортаж о пойманных неонацистах сменился типичным скучным репортажем на тему развивающейся экономики.

- То что сейчас показали, это полный пиздёж, какая ещё "белая месть"? Какие ячейки? Славянский фронт ещё какой-то придумали. Сама подумай, то что это бредом попахивает тебе не кажется?

Мой дальнейший рассказ она слушала молча, а в один момент даже слегка раскрыла рот.

- Он был мне как брат, понимаешь? Теперь его больше нет - говорил я, уже не сдерживая слез, хоть в эти моменты я и мог показаться беспомощной тряпкой, но от этого мне становилось легче. Я просто обнял её, я слышу как бьется её сердце, а губы шепчут что всё хорошо, что мне очень повезло, что отныне со мной она. Я просто слушал, как бьется её сердце, а шепот становится более прерывистый. Она гладит меня по обритой голове, а я просто смотрю в стену и плачу, от этого мне становится легче. Кажется, теперь плачет и она, но она то почему?

***

Последующую неделю я ничего не делал, это было лучшим временем поразмыслить, по несколько часов в день я читал статьи и смотрел передачи на тему того что творилось всю ту неделю, когда ещё был жив Соратник. Это была лучшая неделя моей жизни, а теперь же мне предстоит подумать, хорошенько подумать над всем случившимся. Переполюнявивший меня гнев постепенно сошел на нет и постепенно сменился здоровым рассудком. Во время кровавой эйфории Я как-то совершенно забывал о многих мелких вещах, на которых пожалуй чудом не погорел. А вот на следы моего соратника похоже вышли бы в скором времени, знай сыщики хотябы отпечатки его пальцев, потому как оказалось - номер на его утерянном во время потасовки с гопотой любимом ноже был как оказалось не только для красоты, теперь у следствия

появилась огромная такая зацепка, ведущая в провинциальный ЭНск, откуда собственно и был начат его кровавый путь. На меня же нигде ничего не указывало, будто я ничего и не делал, будто меня вообще нет. Со смертью соратника настала и моя смерть, что-то будто вырвали из меня, долго копаясь в душе перед этим. Теперь я другой. Навсегда другой

***

Я плохо осознаю происходящее, чувствую что деградирую. Нет, я не тупое похотливое животное, но черт возьми, это помогает мне забыться. Я не понимаю что это, искренняя жалость или то, что принято называть таким многозначным и глубокомысленным словом как "любовь". Думая о ней, я отвлекаюсь от навалившегося груза горя и неизвестности. Она говорит, что не любит меня, просто обстоятельства так распорядились, что иначе я её убью. Да, я действительно был бы рад вспороть этот, будто срисованный с обложки глянцевого журнала подтянутый животик, после чего изучить её содержимое, только затем чтобы убедиться, что она настоящая. Нет, она действительно настоящая, её запах дурманит моё сознание, но не более чем едкий аромат пороха. Всхлипывания, шипение и сладостное мычание никогда не заменят мне хрюкающих звуков отделяемой от тела головы, а вскрикивания не заменят резких звуков выстрела и нелепо грохочущегося тела. Она красивая, но не красивее вида струящегося из перерезанной артерии ручейка крови, или растекающейся нелепыми брызгами жидкой кашицы мозгов. Несмотря на все её старания – она никогда не доставит мне подлинного удовольствия, ведь это всего лишь похотливая самка с заморочками в голове. Сверстница, но что-то не позволяет мне относиться к ней на равных, не верю ни одному её слову, но проверить думаю стоит.

Она говорит, будто потеряла смысл жизни, что ненавидит всех тех, кто разрушил её чистую и светлую мечту, не желает погрязнуть в грязном и смердящем болоте этого мира. Забавно, именно также думал и я, теперь мне уже поздно думать, я выбрал свой путь и решил идти по нему до конца, назад дороги нет.

– Знаешь, а ведь я сразу поняла, что это ты, сердцем почувствовала что ты, именно ты рядом... – звучит от

неё так глубокомысленно и задумчиво. Я бы может и поверил, если бы верил в то, что девушки это нечто высшее, чем самки человека, предназначенные лишь для размножения себе подобных. Я женоненавистник? Не думаю, просто к ним безразличен, да и к ней тоже, лишь пронзительные голубые глаза что-то так больно задевают внутри меня.

- Тебе не понять меня, ты лишь мужчина, вы бесчувственны и никогда не сможете понять, что чувствует женщина, ребенка которой убивают на глазах у неё и окружающей безразличной толпы, так вот раса для меня как ребенок. Ты ничего не понимаешь.

На самом деле Я всё понимаю, ведь её детство было лишено радостей. Её отец бросил семью когда ей было 7 лет и более она никогда о нём ничего не слышала, мать же первые 5 лет держалась как могла, но вскоре сперва понемногу, но планомерно скатилась в пьянство. Сперва это выглядело не так страшно, но вскоре появились собутыльники и вещи из квартиры стали пропиваться, несмотря на все психи и истерики дочери - по ночам происходили дикие пьянки с драками и орами. Квартира постепенно стала походить на притон с наваленными кучами нестираных шмоток, пустыми бутылками, объедками и окурками на полу. В школе прекрасно знали о положении дел в этой семье, потому к её неуспеваемости относились снисходительно. Но вскоре собутыльники её матери стали приставать и к ней - ещё невинной пятнадцатилетней девочке, вынудив однажды уйти её из дома. Именно тогда на неё - мерзную сидя на лавке в стужу одного из осенних вечеров, обратила внимание кампания молодых людей. Они пили пиво, курили и смеялись, периодически бросая бьющиеся со звоном стеклянные бутылки куда-то в сторону одной изстроек и отходя за дом по нужде. Визжали и смеялись находящиеся рядом с ними девушки, то и дело выкидывали сальные шуточки парни. А она сидела, просто сидела и думала о том, что дома её никто не ждет, а мамаша по её приходу либо не откроет дверь, либо вновь её изобьет, если вообще очнется из своего пьяного угара.

Она расслышала их разговоры. Одной из тех хохочущих девушек показалось подозрительным, что какая-то странная девочка уже довольно долго сидит на лавке, повесив нос и не подавая особых признаков жизни.

- Ты чего сидишь тут так долго? Ждешь что ли кого-то?
- дохнув столь ненавистным ей перегаром, спросила

подошедшая девушка лет 20и со странной прической на голове и банкой слабоалкогольного напитка в руке.

- Нет, просто так сижу.

- А что домой не идешь? Темно уже. Ты где живешь?

- Далеко, не хочу домой - несколько грустным голосом ответила она. К лавке уже подтянулась вся остальная кампания, в её глазах выглядели они весьма необычно - дутые как парус громко шелестящие куртки из блестящей ткани, шарфы разных футбольных клубов, у некоторых болтались спущенные подтяжки на закатанных джинсах. А сбитые носы на высоких и грубых тяжелых ботинках, вкуче с разбитыми кулаками и шрамами на обритых головах, намекали на частое их использование в качестве подспорья в уличных драках.

- Домой что ли не пускают? Так ты скажи, мы разберемся - вмешался шкафообразный розовощекий парень, с под ноль обритой головой и массивной блестящей цепью на штанах.

- Ага, разберемся - почти единогласно поддержали его остальные парни и по кампании прошелся легкий пьяный смешок

- Да нет, сама ушла

- Родители то волнуются наверное, шла бы домой то, переживают уже наверное за тебя, места себе не находят, а ты сидишь тут, кончай фигней маяться - говорила та девушка с непонятной стрижкой.

- Не переживают.

- Понятно, показывай где живешь, мы сейчас живо эту проблему решим - уже приняв боевитый вид, с неким задором сказал тот шкаф

- Да давай, ща мы тут всё - поддержали его товарищи

- Ребят, дело конечно святое, но у нас всего пол часа до концерта, побыстрее бы как-то - напомнила дружной кампании полноватая девушка с крашеными в ярко красный волосами - долго там до тебя?

- Ну, в общем да, минут двадцать ходьбы

- Понятно - задумчиво выцедила сквозь зубы стриженная - слушай, а пошли с нами на концерт.

- Но у меня нет денег

- Да там не дорого, мы за тебя заплатим, небольшой концертик, так сказать для посвященной публики - допив пиво и культурно выбросив бутылку в урну, проговорил бритоголовый шкаф.

- Не бойсь мы добрые, не кусаемся. - Спаясничал самый низкорослый из кампании. - Ты вроде белая, не чуркобеска какая-нибудь

- Ну ладно, далеко идти?

- Да нет, в пяти минутах отсюда, ночной клуб небольшой, "Белый каратель" выступает, с области банда, дебют ихний.

- А что за музыка то?

- РАК, ну это как рок, только более агрессивный, тематический такой, со смыслом.

Этот концерт стал для неё первым шагом становления на светлый путь белого расизма, хоть она ничего и не поняла из песен этой играющей на расстроенных инструментах и дико орущей брызжа слюнями в микрофон что-то типа "НЕ ЩАДИТЬ УБИВАТЬ УБИВАТЬ ЧЕРНОЖОПЫХ УБИВАТЬ" группы, зачем-то повесившей за собой нацистский флаг и несколько черных флагов с черепами и какими-то неизвестными ей тогда символами. Хоть к ней несколько раз подкатывал то один, то другой пьяный скинхед с непристойными предложениями и даже непонятно как там оказавшийся её в стельку пьяный одноклассник, концерт ей очень понравился. Её несколько раз угостили пивом, и в алкогольном забытие, она отключилась, едва присев на стул в коридоре возле входа в клуб. Очнулась она уже поутру, в непонятном месте, в одной кровати с той самой, странно стриженной девушкой и чувством что тоже уже... Девушка.

Но на вопрос о том, что случилось - она ответила ей лишь похабными поглаживаниями, загадочными взглядами и многозначительным "а ты вот не помнишь?". После чего хихикнув, показала ей на своём телефоне низкокачественное порно-видео лесбийской тематики. А язвительная шутка про гибкий язычок вызвала у неё спазмы желудка и сильную рвоту. Но на тот момент это осталось между ними.

Вскоре она прониклась данной идеологией просто насквозь, а новые друзья настолько запугали собутыльников её матери, что попойки передислоцировались в чью-то другую квартиру, а эта стала потихоньку возвращаться в жилой вид.

Не миновала её и волна ставшего модным в одно время человеконенавистничества, в чём мы впрочем, с нею схожи. Когда ей исполнилось 18 - её мать умерла от отравления некачественным спиртным. Впрочем дочурка не особо горевала по этому поводу, ведь ей в

собственность перешла хоть и небольшая, но двухкомнатная квартира. Вскоре её околоправые страсти поутихли, а бывшие друзья будто испарились – кто завел семью и интерес к данной идеологии скатился до "правильного воспитания детей", кто-то сел за банальную уголовщину, кого-то убили в потасовках, а кто-то и по сей день ездит по концертам и бьет татуировки, только уже немного другой тематики. В общем, до всех этих людей ей более не было ровно никакого дела, за исключением одной подруги, с которой вела совместный бизнес по продаже "фэйковых" шмоток и кроссовок под известные и любимые околоправыми модниками фирмы.

***

– Ну чем тебе не нравится? По-моему нормально смотрится, неброско, не скажешь что ты террорист там какой-то, обычный парень, специально для тебя самое неприметное подобрала.

– Ты не обижайся конечно, но по-моему я в этих шмотках как-то не очень смотрюсь.

– Ну, уж извини. Косухи, бомберы и говнодавы не вожу, спроса нет. Что есть остальное, так на тебе это вообще полный пиздец будет.

– М-да – цокнув языком сказал Я. Не сказать, что тот кого я видел в зеркале выглядел совсем отвратительно, но одев какие-то непонятные малость зауженные коричневые джинсы, очевидно онанистскую толстовку с тремя X и какие-то очевидно моднявые кроссовки – я уже был не я.

Тем временем по телевизору был показан репортаж, в котором фигурировали я и тогда ещё живой Соратник. Я не вытерпел. Просто скорчился и зарыдал, это было для меня слишком больно, не могу преодолеть это. Пустота в голове, никакого желания что-либо делать, даже спустя неделю эта рана всё также болела и кровоточила. Соратник погиб. Удивительно, но даже во снах он мне ещё ни разу не явился, сны почти покинули меня. Очевидно это была некая защита моей психики от погружения в моё жуткое подсознание пугающее жуткими образами, окунувшись в которое я окончательно сойду с ума, во мне пробудится животная дикость и я брошусь на эту обнявшую меня милую любвеобильную самку, излишне

любвеобильную. Просто возьму и проломаю ей голову чем-то тяжелым, а затем в порыве ненависти изнасилую.

Однажды Соратник рассказал мне, что как-то уничтожил последний оплот своей любви и человечности, просто взял и размозил топором, после чего изнасиловал и сжег. Этим он уничтожил последнюю иллюзию своей любви, оставив вместо неё в душе грубую рваную рану, залечить которую навсегда могла лишь смерть. Вероятно он ещё мог полюбить, но в его мутных темных глазах мало кто в этом мире смог бы разглядеть капельки того что можно назвать человеческим. В них пылал первородный огонь, тот самый огонь, из которого и была сотворена Мидгард-земля, тот самый огонь, что похитил некто из эллинской мифологии у Богов, за что и поплатился. Звериная озлобленность и тяга убивать, жестоко и без лишних церемоний - именно так и выглядел тот огонь, что раздул в себе мой Соратник. И лишь во сне он был многословен, когда разговаривал со своей последней любовью.

Как-то он рассказывал, что ему понравилось с трупом. Врал скорее всего, шутил. Я тоже как-то хотел попробовать, но не получилось, не привлекло, пришлось весьма артистично и оригинально отшутиться. Он искал одну единственную, а найдя - уничтожил, выбрав иной путь, который не предал до конца. Возможно, это был просто аффект, в состоянии которого он прошел весь свой путь.

Мой подробный рассказ о жизни и смерти Соратника кажется сильно впечатлил её, вряд ли когда-нибудь она услышала бы такую историю, при этом не являющуюся выдумкой.

- Ты хорошая девушка, но зачем тебе всё это? Ты ведь не способна убить, тебе незачем со мною связываться - глядя своими покрасневшими заплаканными глазами в её голубые льдинки, едва не выкрикивал я.

- Мне нечего здесь делать, я уже насмотрелась на все прелести этого мира, гнилой действительности, на тварей всех этих лживых, нам есть что делать, поверь - шептала она одновременно с моими словами, руша мою уверенность в своих словах - если ты уйдешь, я покончу с собой и это будет на твоей совести. Ты ведь этого не хочешь?

Удивительно, но иногда так бывает, малознакомые люди находят в тебе то, что ты сам никогда не увидишь многими годами. Я действительно не хочу чтобы она

умерла. Она как искорка света во тьме, в моей душе, этой пытающейся вырваться из каменного скворечника птице, из последних сил бьется она в серые стены безразличия и гнетущей скуки. Кричит она, пробуждая из неведомых глубин тьмы моего сознания самого ужасного монстра – мои ночные кошмары, начавшие вырваться в действительность.

– Помоги мне – так удивительно просто, но наполнено глубоким смыслом, иным, чем я слышал когда-либо. Это дернуло острым крюком, заставляя кровоточить с новой силой не зарастающие стигматы на моем ещё не стгнившем сердце. Возможно она видит во мне перемены в своей серой жизни, такой скучной и рисующей всё новых розовых червей – шрамы на бледной худобе её рук, расползающиеся небрежными рунами и выпуклой остроконечной свастикой. Возможно, именно таким был и её внутренний мир.

– Я... Я ненавижу тебя – ощутив вновь эту нескончаемую душевную боль сказал я, всё что смог сказать – потому что люблю.

Более Я не в силах скрывать всё то, что копилось во мне годами. Я так и не научился ненавидеть девушек, или хотя-бы быть безразличным.

– Помоги – прозвучало как заклятье.

***

Красные глюки стекают по стенам, медленно медленно, плавно плавно. В чём суть бытия? Суть... Суть. Суть вашу, какой во всём этом смысл? Смысл. Иди, ищи свищи его, как и возможность вернуться, а куда вернуться? А главное – надо ли? Черт. Опять кровью всё заляпал, ну прям свинья я какая-то. Зачем было так яростно лупить уже дохлую человеческую тушу? Пичушкин говорил, что его рука хорошо помнит молоток, моя же рука хорошо запомнила топор. Клянусь, любимое моё оружие, только вот пол теперь весь заляпан. Замечательно за солью сходил блять.

– Что завис? Валим отсюда – саблей разрубило всю эту ватную пустоту в моей голове, точно также как я разрубил напололам череп жирной домохозяйки, жалко что всё не получилось так чисто как хотелось, видимо я теряю форму.

– Валим. Валим валим валим, оглох чтоли?

Она нервозна, ей сейчас кажется, что все силы правопорядка уже выехали на вызов и окружают дом полчища камуфляжных человечков в масках и с автоматами. Я не могу послушаться, и покорно подобрала умытое кровью вперемешку с жидкой кашцей мозгов орудие труда, отправляюсь в бег, будто стартовавший спринтер, перед лицом распахнулась дверь, окно, четыре этажа самоубийства и пьянящая свежесть, смертоносно приблизившаяся покрытым бугристым ледяным панцирем асфальтом. Шлепок и я подскакиваю в электрическом разряде. Вокруг мрак и пустота, всё пусто и я уже пуст, как и задыхающаяся черным дымом мрака комната. Задыхаюсь этим дымом, не могу продохнуть, будто кто-то душит и, заглотив колючего воздуха, я бешено вскрикиваю. Лишь тычки жестких костяшек и крики о том, что всё в порядке, прерывают этот протяжный гласный звук, отражающий моё внутреннее состояние.

Ловлю темп дыхания и бешено насыщаюсь холодным кислородом. Всё в порядке. Я проснулся. Её теплые объятия возвращают меня в кошмары ночи. Всё хорошо. Всё как обычно.

***

- Ты опять кричал во сне - прозвучало вместо "доброе утро" - кошмары?

- Нет, я не знаю, просто такое состояние. Я. Я не могу, понимаешь?

- Понимаю, то же самое было, когда мамка умерла - холодным голосом напомнила она о своей семейной драме. В жизни часто встречаются непредвиденные обстоятельства.

- Дай посмотрю - протянув руку к моей шее, сказала она - швы пора уже снять. Заботливая она, да и вообще хорошая, из неё бы вышла замечательная мать большой семьи, её любви хватило бы на очень большую семью. Ненависть и любовь это как две полярности чего-то целого и неделимого, насколько чисто и искренне человек способен любить, настолько же искренней и пламенной будет его ненависть. Но мне этого не осталось, будто весь вышел, периодически бросаюсь из крайности в крайность. Помню как подарил вчера ей всю свою любовь, перед этим хорошо избив за найденные в туалете сигареты. Её разбитые губы хорошо помнят мою резвую ладонь, как и последующие нежные поцелуи

вперемешку с грубостью и вспыхивающей ненавистью. Возможно я слишком импульсивен, она сделала мне больно, а ей это понравилось. Она всё мне простит, любые преступления, всех моих предыдущих девушек, всё моё разгульное прошлое и любую грубость, но никогда не простит предательства, лишь только поэтому Я буду с ней, она моя.

***

Сырость и прохлада резвого ветра танцует вокруг черно-зеленых, тянущихся к тусклому солнцу растопыренных рук, капающих растаявшей влагой. Ветер играет, шумит корявыми ветками лесопарковых лип, берез, осин и тополей, столь гордо воздвигнувшихся над таящими снегами. Чавкает под ногами поруганное целомудрие узенькой тропы. Корявые, будто ломаные пальцы веток тянутся в свинцовую серость неба и мелкие, едва ощутимые капли влаги врезаются в наши бледные лица. Одиночество. Ветер с шумом раскачивает верхушки деревьев, заставляя их терять всё больше и больше осевшей влаги. Атмосфера гнетёт, но очень честно соответствует моему внутреннему состоянию, возможно и её тоже. Говорят, человек всю жизнь одинок, вряд ли более одинок, чем я сейчас. Она уже не пытается как-то повлиять на моё унылое настроение, видимо тоже ушла в мысли, такие же серые как это каменное небо. Идет впереди, знает, за чем идет и понимает, что идет не просто так. Острый нож сквозь карман обтягивающих джинсов грубо упирается своим чехлом в её аппетитную ножку, напоминая о себе. Мы - серость. Мы - влюбленная парочка, хоть и не похожи.

Чего Я ищу? Революции? Белого мира? РаХоВы? Блять, чего? Что Я могу сделать когда всем попросту насрать и я нахожусь в вакууме своего агрессивного безумия?

А одежду она мне подобрала что надо, пока шли - на нас не обратил внимания ни один серый убогий прохожий.

Зима ушла, разлившись всюду влагой на прощание.

Чавкающий слякотью лесопарк вскоре сменился черной веной автодороги, судя по грязи и повреждениям - явно страдающей наркоманией. Та самая дорога, по которой Я приехал в этот мультикультурный Содом, с его кольцевыми кругами ада. Не понимаю, почему все так сюда стремятся, почему Москвабад как мошек на свет привлекает разного рода людей? Грязная и пыльная

Разместив свеженький труп поудобнее со стороны пассажира, сажусь на водительское кресло и вновь завожу мотор. Удивительно, но мне стало немного легче. Хоть уже и не чувствую всей той остроты ощущений, как ощутил это в свой первый раз.

- Всё нормально - донесся сзади её голос - Я в порядке.

Очень на это надеюсь.

- Я тоже - совершенно спокойно ответил ей Я, тронувшись и набирая скорость.

***

Присмотревшись - ещё можно различить на снегу и грязи колеи от дорогой иномарки. Надеюсь, никто ещё не обнаружил столь интересную находку в виде её обгоревшего корпуса. Сомневаюсь что "ока" оборудована системой навигации и бортовым компьютером, потому особого смысла её сжигать пока нет, пригодится, однако от столь кровавого попутчика следует избавиться. Обыск трупа дал 4000 рублей, перцовый баллончик и старый мобильный телефон с затертыми клавишами, который моментально был разбит найденным в машине молотком. Труп необходимо спрятать. Вытянул его из машины и скинул в одну из ям, возможно бывшую когда-то окопом или воронкой, а возможно и просто ямой для сбрасывания мусора.

В багажнике обнаружилась довольно острая саперная лопатка и канистра с бензином, которая была отчасти использована для сокрытия следов преступления. Я уже подумал, что у неё сдали нервы и для акций она не пригодна, однако то как она лила бензин и поджигала труп дало некоторые надежды. Она бледная, как тающий снег, её лицо почти сливается с ним, оранжевым всплеском отразился огонь в её лице и глазах. Мне кажется, пламя сумасшествия зажигается и в ней.

- Ты не думай что я такая слабая, понимаешь, просто так это всё оказалось противно, извини - глядя на съедаемый огнем снег, выцветшие упаковки от чипсов и помутневшие пластиковые бутылки проговорила она - я убивала уже, не в первой, не знаю что сейчас на меня нашло.

Запах плавящейся пластмассы и бензина дополнился едкой горечью горелого мяса.

- Расскажи - пнув в огонь останки мобильного телефона и чувствуя, как загораются в любопытстве мои стальные серые глаза, потребовал Я.

Пожалуй, это была самая моя приятная прогулка с девушкой за всю жизнь, даже если она мне и врала, то делала она это столь искусно, что у меня не было даже в мыслях насадить её тонкую шейку на острую саперную лопату. Этот рассказ я запомню на всю жизнь.

- Ну, я тогда в парке шла, в том где мы ещё вначале пути шли с тобой

- Это в том засранном? - вспоминая усыпанный серыми поломанными скамейками, разморозившимися фекалиями, окурками и бутылками "парк", судя по всему порой являющийся культурным центром для различного человеческого сброда.

- Ну да, только там чуть подальше, поглуше где, мне до однокурсницы надо было, шнур от компа занести, ну не донесла в общем.

- Что случилось то? Рассказывай давай - требовал я, изнемогая от интереса.

- Долго идти то нам ещё? Куда вообще идем?

- Да деревня тут заброшенная недалеко, Я ж рассказывал тебе, мы с соратником скинули там кое-что, не очень далеко, но и не совсем близко, рассказывай.

- Ну иду и вижу, идет какой-то уродливый цыганёнок такой, лет двенадцать наверное, одет как бомж, морда наглая, с ранцем школьным на плечах, хотя времени уже часов шесть было, темнело. Никого вокруг, а он идет такой, меня увидел и орет "эээ, тебе телефон надо?", ну Я решила поржать, начала интересоваться и он давай мне мобилы свои ворованные раздолбанные вертеть-показывать, утверждая что это новые телефоны. Ну я их у него отобрала и давай его дразнить и пинать, а он как начал меня материть и орать чтобы отдала, а я ржу над ним, он злится, за мной бегаёт.

- Ну и что? Что дальше? - решил я грубо прервать всю эту словесную прелюдию

- Хорош меня торопить, иначе вообще ничего не расскажу, самое сокровенное рассказываю ведь - возмутилась она, сверкая своими ледяными глазами.

- Прости.

- Ну вот... Мне было смешно, пока этот грязный цыгашка не назвал меня шлюхой и не сказал, что меня поймают и выебут по кругу его братья, что он запомнил меня и меня закопают как собаку, что он будет ебать

меня и сосать заставит, ножик достал, заорал что порежет, этот кусок говна, недочеловек сраный.

Я слушал это, поскрипывая зубами, мысль о том, что Её мог настолько грязно оскорблять какой-то сраный цыган просто заставила вскипеть яростью. Какой-то кусок черномазого дерьма.

– Не знаю что на меня нашло, страх это или ненависть в башку вдарила, сейчас помню что ударила ему с разбегу ногой точно в дыхалку прям, в кроссовках была, но удар получился действительно сильный, не ожидала от себя такого, что-то там аж хлюпнуло. Этот недочеловек свалился, покраснел как помидор, в комок скорчился, захрипел, раскашлялся, а у меня как пелена такая мутная перед глазами, понимаю что нельзя останавливаться. Со всей силы лупила его, в живот, по еблу, по яйцам, шее хуячила его. Он хрипит, воет утробно так. Луплю, понимаю что всё, хватит его бить, отпустило думаю. Но у меня шнур этот из сумки выпал как-то, начала подымать его и вспомнила, что он собирался со мной сделать. Смотрю на него, глаза эти чернющие, наполненные слезами и ненавистью глаза на красной от крови морде вижу, за руку ещё так держится и воет, сломала ему её походу. И так я его возненавидела. Как этой сучаре опять в ебло ногой пизданула, а он не вырубается, живучий гад, орет ещё истошно так, повезло что не было вокруг никого. Ну я шнур вдвое сложила, обернула вокруг шеи его и потащила этот мешок с говном подальше от тропинки. Долго тащила, пока не убедилась, что он сдох, ну и бросила возле дерева. Всё побросала и побежала. Бегу и кажется что гонится за мной кто-то, кроссы белые ещё были, все кровью заляпала. Никогда не забуду ту распухшую красную морду, это был не человек, это было что-то ужасное, наверное инопланетное.

– Девочка моя... – всё, что смог произнести я, глядя в пустоту этих глаз, будто окунаясь в них, растворяясь и превращаясь в её часть, возможно именно сейчас меня покинула частица души и поселилась в ней, так тепло и приятно.

Теплые губы вновь коснулись друг друга – это лучше любых слов, как выражение всех таящихся внутри чувств. Нет. Нужно дойти до конца пути... Но одна из толстых черно-белых берез, зажала её тело между мною и своей грубой, напоминающей растрескавшуюся в высохшей луже грязь черной корой. Ей теперь некуда деваться.

***

Всё тот-же заброшенный дом, всё также встречает своей посеревшей дверью и заколоченными окнами, поваленный забор, пара ступенек.

- Так это и есть

- Ага.

Всегда поражался разнице диалогов в интернете и в реальности, то что в интернете выражается многочисленными речевыми оборотами, смайликами и многоточиям - выражается в реальности парой слов. Возможно все эти смайлы и многоточия просто заменяются жестами и мимикой, передать которую в полной мере не способен ни один текст.

Скрип ржавых дверных петель и Я внутри этого красного кирпичного склепа. Всё тот-же сырой затхлый воздух, плесень на стене, скрип досок под ногами и черт... Это же Он. СОРАТНИК!!!

Пронзительные карие глаза исподлобья смотрят будто сквозь меня. Привычная ухмылка на лице этой сидящей на останках кровати фигуры. Не могу выдавить из себя ни слова, дыхание перехватило...

Легкий толчок в спину заставил обернуться, я встал в проходе.

- Это Он - искренне удивленно, широко распахнув глаза, почти прокричал я ей в лицо.

- Кто? - спросила она недоуменно, глядя на меня так, будто я сумасшедший.

Повернувшись, я задумался над тем, не сошел ли я действительно с ума. Его не было, лишь заброшенная обстановка и ржавые пружины кровати

- Как так? Ведь я видел его, черт подери я и вправду его увидел.

- Кого его? Ты по-моему совсем уже немного того - покрутила она облупившимся черным ноготком своего тонкого пальца у виска.

- Да, возможно, я немного не в себе.

Оторвав от пола несколько досок и просунув туда руку, я вскоре нащупал грубую синтетическую ткань увесистой сумки и вынул её из под пола.

Она с интересом наблюдала за тем, как из шелестящего пакета появилось несколько травматических пистолетов и разнообразные детали к ним, патроны, пневматика, ножи. Её привлекла та самая коротенькая финка, которую добыл

ещё мой соратник в тот давший начало всему этому кровавому безумию вечер, впрочем ставшему уже для меня нормой.

- Ммм. Кованая - с интересом разглядывала она это столь мастерски выполненное сочетание грубости и в то же время аккуратности, изящности формы и сочетания материалов.

Когда мы с соратником делали этот схрон - то исходили скорей из ненужности тех или иных предметов на тот момент, так что нормального оружия почти что нет. Несколько травматов, из которых не разобраны лишь "стражник", пара стримеров и ос. Также в сумке находились патроны к ним, довольно таки неплохие ножи, ненужная пневматика и некоторые продукты.

Пока она восхищенно оглядывала травматiku, я решил развести огонь в печурке.

- Держи - обстрогав и взлохматив несколько кусков доски, произнесла она, протягивая их мне.

Шипение и дымок охотничьей спички... Как же много воспоминаний, ностальгия. Ведь ещё свежо в памяти то, как горел антифашистский сквот. Огонь, он так жадно поглощает летящие в него щепки, а после раздраженно проглатывает куски побольше... Нет у меня больше соратника, нет. И с этим следует смириться. Его больше нет, теперь со мной эта непонятная девушка. Ведь я не знаю её совсем, не знаю чего от неё ожидать. Сейчас она целится в меня из травмата и улыбается, так мило и в то же время в этих пустых глазах можно разглядеть искорку злобы. О чём с ней можно говорить? Она пуста.

- А что ты чувствовал, когда убивал в первый раз? - вот так вот просто нарушила она мою краткую операцию по вскрытию консервной банки ножом. Тушонка.

- А что ты хочешь услышать? Ненависть? Превосходство? Возбуждение? Ярость? Что ты хочешь услышать?

- Эй, полегче, я ведь просто спросила, зачем так орать?

- Не знаю, правда не знаю, мне кажется я всё ещё немного не в себе, нервы сдают, прости - осознавая, что только что кричал во всю глотку, извинялся я. Не думал, что сорвусь на крик по пустяку.

- Ты давай прекращай психи свои. Мне тоже нелегко видеть тебя таким. Ты и сам чуть не погиб, но будь ты мужчиной, держи себя в руках. Соберись и думай что делать будем, назад уже всё равно дороги нет.

- Назад дороги нет... Да что ты сделала то такого, чтобы так говорить? Ты ведь можешь хоть сейчас свалить, держать тебя я не бу..

Резкий хлопок неожиданно вдарил мне по ушам, не дав договорить. В комнате повис легкий пороховой запах и тишина, нарушаемая лишь треском огня в печи.

- Хочешь свалю? Только перед этим я убью тебя, чтобы не было ноющих без умолку сопливых свидетелей, не способных даже взять наконец себя в руки. Да если бы не соратник твой - ты бы и дальше сидел дома перед компом и ныл на весь инэт по всем форумам и сайтам о том, какой ты охуительный сверхчеловек и какие кругом все пидарасы. Опомнись, жизнь продолжается.

- Да что делать? Скажи мне, ЧТО?

- То-же что и раньше. Или уже всё? Кончился дух твой геройский? Сломался? Если всё, то ты мне прямо так и скажи, я мочкану тебя прямо тут. И тебе хорошо, и себя проверю, давай?

Мысль о том, как эта освенцимская топ-модель будет меня убивать, доставила мне массу удивительных чувств, вырвавшихся из меня потоком удушающего смеха наружу. Кажется, этим я заставил её пыл поутихнуть, глядя на то, как от неловкости краснеют её бледные тонкие щёки. А не такая уж она и безнадежная, вряд ли бы у неё вышло просто наиграть все эти слова, так это звучало натурально и искренне.

- Я люблю тебя - столь же искренне произнес я.

- Да пошел ты.

***

- Общечеловеки мне говорят порой: "не ты давала жизнь чтобы её отнимать", ха, смешно. Ещё говорят, что ломать - не строить. Получается потрахаться и залететь это сложнее чем убить? - задумчиво глядя в окно на проезжающие мимо автомобили размышляет она.

В этом определенно что-то есть. Только что мы проехали ставший памятником одной нашей с соратником небольшой акции зеленый веночек, украшенный разноцветными декоративными цветами, такими-же декоративными и мертвыми как большинство окружавших меня людей. Моё первое убийство не особо изменило меня, это как потеря девственности. Стоило лишь раз попробовать, чтобы понять, что это не так сложно и шокирующе как казалось. Впрочем, не так уж и зрелищно.

- А ты когда убил впервые?

- Недели две-три назад, не помню - соврал Я, на самом-то деле я всё отчетливо помню, до мельчайших подробностей.

- Я тоже, недели две назад. Прикольно что ты появился, теперь мне есть с кем умереть

- Умереть?

- Ну да. А ты что?

- Да нет, ничего - задумчиво проговорил я, выехав на левую сторону дороги. Она похоже даже не обратила на это внимания, лишь опустила вниз запотевшее ветровое стекло, прибавив к гулу двигателя ещё и шум бьющегося о стекло и воющего воздуха.

Из её кармана появилась уже начатая пачка сигарет. И когда успела? Её руки трясутся, а ведь ещё недавно была полна относительного хладнокровия. Она втягивает в себя этот отравляющий серый дым, прерывисто выдыхает в сторону тянущейся вдали полосы леса.

- Ты прости что курю, я брошу, просто волнуюсь сильно, сам понимаешь - говорила она в сторону. А Я тем временем набирал скорость. При виде приближающегося по встречной полосе "Камаза", я прибавил ещё газу. Вот он, конец, так близко. Ещё немного поднажать и от нас останется лишь фарш с острыми обломками костей и лоскутами ткани, вот она смерть - несется и уже сигналит издалека.

Она всё увидела и кажется всё поняла. Она молчит, только выбросила сигарету и замерла, вероятно, смакуя последние моменты своей жизни. Следующая остановка - ад.

***

Не знаю, что заставило меня передумать, в последние моменты я резко свернул, трянуло, зацепив ограничитель, выровнялся и поехал далее.

- Всё-таки передумал, да? - донеслось от неё разочарование, полное безразличия и отрешенности - Или ты думал, что напугаешь меня этим самым? Смешно.

Не знаю, почему я не смог убить нас, видимо просто не хотел этого на самом деле. А она... Она и в самом деле странная, ведь я действительно мог влететь в этот камаз и от нас остались бы лишь две кучи отбивного мяса. А ей всё равно. Хотя ещё совсем недавно её вырвало при виде хрюкающей подыхающей свиньи - бывшего

владельца этой убогой мелкой развалюхи, натужно гудящей мотором при скорости в 80км/ч.

- Ты это, не лапай тут ничего особо, если за что бралась, то протри, нельзя тут отпечатков оставлять - напомнил я ей.

На самом деле бывший хозяин этого недоавтомобиля был убит не просто так, совершенно не просто так, его даже более чем орлиный нос, гаркающий говор, черные как смоль с проседью волосы и выцветшие наколотые воровские перстни на смуглых пальцах были вполне объективными причинами оплатить ему проезд в ножевой валюте. Взгляд его черных глаз из под густых черных бровей на неё, окончательно вывел меня из себя. Убить человека легко - стоит лишь немного поддасться искушению и высчитать наиболее неожиданный момент, как уже и не осознаёшь того, что за считанные секунды совершил то, за что судят по 105статье УК.

Вероятно что он и не думал что сдохнет именно сегодня. СЮРПРИЗ. И даже раздражающе сверлящие своими отпечатанными глазами пластиковые иконы на приборной панели не сумели спасти его. Эх, как хотелось бы выдолбить их, да все наиболее крепкие ножи в сумке, копать не охота.

Доехав до города, мы просто припарковали машину на одной из парковок близ супермаркета, даже закрыли её, прежде чем выбросить ключи с брелком в виде деревянного крестика в грязную водосточную канаву.

Пока ехали до её дома, нас мог трижды остановить полицейский патруль. Примечательным было то, что вооружен автоматическим оружием теперь был каждый ППСник, причём не только АКСУ, но и доселе вживую невиданными мною легкими ПП "Бизон". Интенсивность периодически проезжающих по улицам полицейских УАЗов тоже заметно увеличилась, всё ещё делают вид что пытаются взять ситуацию под контроль.

***

Инвентаризация и сборка разобранных единиц оружия показала лишь то, что оружия в общем то как такового у нас и нет. Два стримера, две ОСы, один "стражник" и восемь ножей. К стримерам было всего 49 патронов, к ОСАм и стажнику - 30. А ещё 50 патронов 12го калибра к гладкоствольному оружию, в основном с пулями, немного с дробью. Да вот только гладкоствольного оружия, увы,

не оказалось. А ведь говорил Соратник, мол, давай
обрез оставим, а я нет же, боялся чего-то. Всё-таки не
доводит жадность и безалаберность до добра.

- Да ладно, не расстраивайся, хотя бы что-то есть,
всё же лучше чем совсем ничего - успокаивала она меня.

- Да я не расстраиваюсь, большего и не следовало
ожидать

- Хм, слушай. А я ведь знаю где ружьишко, а то и
карабинчик надыбать можно - выдала она, мило
улыбнувшись и загадочно глядя мне прямо в глаза.

- Где?

- Нууу, не так грубо, спроси вежливее
Увидев мою заинтересованность, в её глазах начал
проглядываться некий азарт.

- Ну, так где же? Милая моя

- Ммм, как заговорил, уже лучше. Там нетрудно будет,
просто нужно быть немного аккуратнее и смелее.

- Ну хорош, говори уже - попытаюсь очаровать её своим
взглядом и улыбкой играючи пытался я вытянуть из неё
столь ценную информацию, которую она впрочем всё равно
расскажет.

- А ты сделай мне приятно, тогда и узнаешь. Ты ведь
знаешь, как я люблю. Только аккуратнее и смелее, эти
качества думаю тебе должны быть присущи.

В её голосе уже читалась легкая дрожь предвкушения, я
прекрасно понял, чего она хочет. Лучшим конечно бы
было вломить ей крепких затрещин за такие намеки, но
ведь я и сам както случайно сказал, что сделаю с ней
это при встрече.

- Ну хорошо - преодолев в себе некие противоречия, с
улыбкой выцедил я.

***

Пора было уже выходить на новый уровень, совершать
более серьезные акции, нужно было отомстить за
Соратника, но сейчас я не могу, у меня нет оружия и я
настолько никчёмён, что даже не уверен в себе по
поводу грядущей акции. С виду всё просто, налет на
дом, допрос хозяина, вынос всего необходимого и
убийство хозяина, желательно сожжение дома до тла,
насколько это возможно в случае с двухэтажным
кирпичным коттеджем.

Ни капли в себе не уверен, а если всё пойдет не так
как запланировано? А если предоставленные ею данные уж

слишком приблизительны, а расчеты из-за этого и вовсе не имеют никакого смысла. Черт. Я слишком много думаю, слишком много сомневаюсь и докапываюсь к деталям. Не всю же жизнь на чудо надеяться, однако удача в этом случае явно была бы не лишней.

Я не верю своей соратнице, слишком плохо её знаю, по хорошему стоило бы для начала совместно с ней зарезать какого-нибудь чурку или нигера где-нибудь в темной зассаной подворотне, да не охота погореть на мелочи. Если уж погорать - то гореть по крупному, минимум на пожизненный срок. Так что сомнительная соратница в этом вопросе как никто лучше нагнетала страх перед неизвестностью.

- Он чё? Реально поп?

- Ну да, вон в святокакакиевском храме богослужения проводит, по выходным стабильно за город ездит, охотится иногда. Что странно, так это то, что без бабы живет, хоть и взрослый довольно таки.

- Да пидор небось - высказал я своё подозрение относительно нашей будущей жертвы - скушай, а откуда ты знаешь про него столько?

- Следила - сказала она так, что в её голосе можно было прочесть некоторое нежелание говорить об этом.

- Этот пидарас крестил меня в младенческом возрасте, вот и следила. Ты ведь сможешь мне смыть эту тухлую церковную водичку кровью?

- Помогу, если для тебя это так важно - сосредоточенно глядя на обрезанный с конца пассатижами раскаленный гвоздь немного тихо осветил я - только не мешай мне, щас как прожгу пулю, и последствия могут быть непредсказуемы.

Для этой процедуры я предусмотрительно одел монтажные очки и строительные перчатки. Плотное зажатое пассатижами раскалённое железо прекрасно прожигало резину пули, тут нужна была ловкость и осторожность - горизонтально ровно посередине, а по вертикали чуть ниже - прожечь в пуле аккуратную канавку и пока ещё горяченькое - быстро затолкать дробишку. Выпотрошив парочку патронов 12го калибра - передо мной было немало таких дробинок. Заняться было нечем, а подобное всегда успокаивало меня. У меня ещё есть время всё хорошенько обдумать, ведь до выходного дня ждать ещё двое суток.

Вставив в 20 резиновых пуль 20 дробинок я решил, что с меня хватит. Уж очень высокое нервное напряжение,

успокоением тут и не пахнет. Да и оправдан ли результат?

***

О снова ночь, прекрасна ты.

Мой голод – люд живой.

Ночь голода, иди на зов

За ледяной луной.

Сегодня ледяная луна и впрямь звала меня к себе, ночь голода, ночь накапливающегося в сознании маниакального психоза. Холодный ветер подтягивает ко мне букеты из ароматов обоссанных углов, мусорной вони и тянущегося издали запах разлагающейся плоти, видно крыса какая или кошка сдохла.

Нет, я не брежу, это всё лишь часть её очередного гениального плана, хотя идея была в общем то моя. Я просто хотел проверить её решительность и хладнокровие. Сможет ли она убить? Тихий переулок, однако. За пол часа ожидания прошел лишь один человек, или не совсем человек? Не важно, но это был замечательный шанс пополнить свой послужной список ещё одной стопятой статьёй.

Вслушиваюсь в звуки города. Как-то на удивление тихо, только шум машин вдалеке и скрип покачивающихся от ветра качелей в близлежащем дворе. Она сказала, что если услышу звуки выстрелов и её крики – бежать на помощь. А качели всё скрипят.

Её план был прост. Здесь совсем неподалеку, в подвале одного из домов, находится небольшой ночной клуб. Он появился недавно и в силу своей дешевизны приобрел высокую популярность у живущих и учащихся неподалеку иностранных студентов. Арабы, индусы, негры, китайцы и прочие небелые – такой разносол чаще всего и посещал этот клуб, дабы выпить тамошнего коктейльчика, долбануться в туалете привезённой с далекой солнечной родины наркотой и склеить налетающих туда, как мухи на говно, местных русскоговорящих "чернильниц", чья вырожденческая внешность явно не позволяла им встречаться с нормальными белыми парнями. Вот она и решила прикинуться чернильницей, обещала подцепить как можно более колоритного голубчика.

А качели всё скрипят, накаляя до предела спираль моего терпения. Где там она? Уж не с неграми ли там уже трахается? Нет, гнать от себя такие мысли, гнать.

Этот скрип напоминает мне о той самой моей первой оплошности, о разбитом сердце. Я потом очень долго жалел, что не взял с собой кухонный нож, как и хотел изначально. Та боль утихала очень долго, легче стало лишь тогда, когда я узнал, что её изнасилованное тело нашли под ворохом картона по частям в сточной канаве. Смешно было, когда мне с её номера звонили её убитые горем родители, им хотелось побольше узнать о жизни своей гулявшей дочери. Ну я и сказал им что их дочь работала проституткой, а я просто один из её постоянных клиентов и тоже глубоко сочувствую их горю, ведь их дочь обходилась мне всего в одну дозу за ночь. Правда после различного рода не имевших места быть подробностей – пришлось сменить номер мобильного. Смешно.

Легкий ветерок вновь повеял кислотным запахом со стороны переполненных мусорных контейнеров. Потаскил ветерок блестящую упаковку от чипсов по двору.

Эхо в арке подхватило чей-то веселый диалог. Ага. А вот кажись и девочка моя явилась. Уже и волноваться начал, мобилы то мы по понятным причинам не взяли, да и нету у меня. Посмотрим, кого она там привела.

БААААА, да за ней кажись увязался человек-невидимка, в темноте видна лишь разноцветная спортивная одежда и белые белки глаз. Да это же целый настоящий живой нигер, да я ж таких ещё как следует не убивал.

Насколько же умело она пародирует из себя играющую в неприступность шлюшку, которая вот-вот должна отдаться прямо в грязной подворотне. От такого зрелища меня аж ненависть и ревность схватила, как тогда. Она меня заметила, всё под контролем. Как-бы он не заподозрил неладное. Спускаются вниз по подвальной лестнице.

Сейчас точно не заметит. Сейчас однозначно должен произойти ключевой момент – тот, ради которого я просидел на холодной лавке около сорока минут. Секунда истины. СЕЙЧАС. Бегу со всех ног к этому подвалу, как бы не произошло чего непредвиденного, на бегу вынимаю из внутреннего кармана стример, передергиваю затвор. Как бы не пропустить.

Кажется, я услышал какой-то несвязный вопль, сердце долбит по грудной клетке как в барабан, в кровь будто пустили леденящий жидкий азот. СТОП.

Это зрелище поразило меня.

– Ууууу сука, соси, соси блядина, заглатывай – гневно говорила она, заталкивая обернутой в полиэтиленовый

пакет рукой окровавленные гениталии тепленькому и даже слегка трепыхающемуся нигеру в рот – жри сука.

А КРОВИЩИ ТО. Море – океан, из шеи, вниз по ступенькам, из паха, живот вспорот.

От такого зрелища даже мне стало немного не по себе.

Поднявшись вверх на меня, её глаза остро кольнули меня своим ледяным холодом.

– Чё встал? Помоги давай

– А? Что? Как помочь? – немного впав в ступор, прерывисто выдергивал я из себя, глядя на то, как она умело отрезает голову уже не шевелящемуся черному труп.

– Ну спустись ёпт, хули стоишь светишься там, совсем что ли тупой? На, пакет подержи – раздражительно сунула она мне чёрный пакет, куда и грохнула подавившуюся своими-же гениталиями черную голову с несуразно вытаращенными глазами.

– ЗА ЖОПУ МЕНЯ ЛАПАЛ СУКА – тыкая после каждого слова ножом в грудь со злостью выкрикивала она – СУКА СУКА СУКА, БЛЯДЬ ЧЕРНОЖОПАЯ.

Я браво и не ожидал такого поворота, я ожидал что она начнет визжать и звать на помощь, когда поймет что не может убить, а грязный вонючий негрило намеренный с ней совокупиться уже размахивал бы своей черной елдой.

– Пошли – оставив воткнутый нож в теле, и забрав у меня пакет с головой, скомандовала она.

Я был не столько ошеломлён кровавым зрелищем, сколько её хладнокровием и профессионализмом, ведь артерии были перерезаны очень быстро, а связки позвоночника были разрезаны всего в несколько движений.

– А ты как это... Где?

– Да я ж на медика училась, научили. Ты не расслабляйся, сейчас ещё до института их сходим наведемся, здесь недалеко – торопливо двигаясь неизвестным мне маршрутом говорила она так, будто только что показала как правильно стиральной машинкой пользоваться, а не малость расчленила недочеловека.

– И ствол спрячь свой.

– А бля – так до конца и не опомнившись, поставил я травмат на предохранитель и сунул обратно во внутренний карман. Спустя примерно 20 минут петляния по глухим дворам и переулкам, мы наконец увидели высокую ограду вокруг творения типичной совковой архитектуры, являющегося очевидно тем самым институтом.

- Так, сейчас маску на тебя одену на всякий пожарный. Вобщем хватаешь пакет и со всей дури, с разбегу швыряй в сторону здания. Дальше вон той дороги не забегай, камеры засекут, давай, бегом - натянув и поправляя на мне камуфляжную маску, командовала она, поражая своим хладнокровием и решительностью. Эти ледяные глаза уже вызывали во мне доверие и уважение, надеюсь, она действительно та за кого себя выдаёт.

Разбежавшись и размахнувшись, я швырнул этот пакет со всей что было силы, аж в плечо отдало с непривычки, зато пакет головастиком (во всех смыслах слова) долетел до стены здания и со стуком грохнулся об асфальт. Вот дворнику с утра будет находка.

- Зря ты нож в теле оставила - прервал я наше продолжение молчаливого хождения через дворы небольшим замечанием.

- Да не ссы, рукоятка резиновая, шероховатая, отпечатки не остаются, да и кровище там такое... Блять - выругалась она, глядя на рукава своей кофты, в свете фонарей на них отчетливо были видны пятна крови - хорошо кофта на выброс, главное не попасться на глаза патрульным.

К счастью до дома мы добрались без происшествий. Вопреки ожиданиям она оказалась гораздо умнее. Говорит, что не засветилась.

- Ну я посидела там неподалеку, выцепила момент когда один из этих галдящих чернопопиков отлучится от своей бухой разноцветной кампашки. Долго пришлось сидеть, уж извини. Ну в общем пошла за ним, смотрю, а он вообще готовый, не соображает ничего, дождалась пока он поссыт, ну и подошла к нему. Сказала типа это его друзья подсказали мне где он, ну и предложила пойти якобы ко мне. Так он в миг будто протрезвел, не пошел, полетел за мной. Животное ебливое. Приставать начал по полной, сам уговорил ко мне не идти, еле довела его до переулка где ты был, камеры вроде не попадались. Потом сказала ему, типа сама больше терпеть не могу, ну а дальше ты видел. И впрямь было невтерпёж отрезать наконец эту курчавую кочерыжку.

- Люблю тебя - сказал я искренне, глядя ей прямо в глаза и мило улыбаясь. Так, как ещё не говорил никогда и ни кому. Кажется она поверила.

- погоди любить, кровь ещё надо с себя смыть - ехидно улыбнулась она, сегодня я должен отдать ей в награду всю свою нежность.

***

Доброе утро, а точнее добрый день встретил меня как нельзя приятнее – компотом, пирожками с павидлом и приятными новостями о том, как в одной из грязных московских подворотен был найден обезглавленный и изуродованный труп студента, приехавшего учиться в РФ из жаркой Африки, для чего ему очевидно пришлось даже слезть с пальмы и временно перестать есть сородичей. Также было очень много истошных воплей и по поводу чудесной яйцеголовой находки возле входа в институт, где учился этот самый погибший от рук неизвестных маньяков гориллоподобный Мазута Гуталина, являющийся очевидно прямым родственником Кинг-Конга. И так уж совпало, что в ту-же ночь, на стену жилого многоквартирного дома близ института было нанесено несколько зловещих угроз в адрес учащихся, с прямыми призывами вернуть их на родные пальмы. Несмотря на ряд орфографических ошибок – творение неизвестных вандалов-граффитистов в этот день транслировалось по всем СМИ. Пикантности придал ещё тот факт, что данный сюрприз подобрал не дворник, а очевидно ещё вчера дрыгавшие своими цветными телами на одном танцполе с владельцем головы студенты. Вот сюрприз так сюрприз.

В этот день телевизор был интересен как никогда ранее. Эффект от произошедшего превзошел ожидания, все будто и забыли о недавнем взрыве дома, убийствах полицейских и массовом забое в церкви. Только сейчас мне стало ясно, насколько же я тупой мудака и куда следовало бить на самом деле. Если Боги и впрямь существуют – то это явно они поспособствовали моей встрече с ней. Поговорив с ней на вполне серьезные темы ещё немного, я понял что она действительно умна, и к своему уму она шла очень долго. У неё в запасе было ещё немного очень дельных планов, но для их выполнения следовало обзавестись огнестрельным оружием, причём желательно очень хорошим оружием.

А тем временем взбесившиеся негры, арабы, индусы и прочие иностранные студенты, заручившись поддержкой почти всех московских гастарбайтеров и прочих небелых низкой пробы, уже устроили несанкционированный антирасистский митинг. Почувствовав силу, они за место кричалок и требований, начали попросту громить витрины, поджигать и переворачивать машины,

разграблять все встречающиеся на пути палатки и магазины. К разъярённой толпе примыкало всё больше и больше небелых. Попытки полиции и ОМОНа как-то взять толпу в оцепление не увенчались успехом. Репортаж в прямом эфире захватывал дух, нахождение на улицах Москвы в этот день становилось всё менее и менее безопасным, помимо основной бесчинствующей массы, на улицы города высыпали разного рода кучки этнических бандитов. Где-то проезжали тонированные автомобили, из которых с криками вроде "режь славянских свиней аллаху акбар" и "мы здесь хозяева" расстреливали прохожих. Где-то кампашки среднеазиатов затаскивали в подвалы и насиловали белых девочек и женщин, где-то кампашка черных головорезов забивала белых парней, снимая это на камеры мобильных телефонов и танцуя лезгинку. Это была ответная вспышка насилия, полиция не справлялась с ситуацией. Во время трансляции мелькнул момент, как слишком близко подошедшего мента засасывает в себя черная митингующая толпа и лишает АКСУ. В этот момент, у одного из ОМОНовцев сдают нервы, и озверевшую толпу буквально разрезает раскатистая длинная очередь из-за ограждений, толпа звереет, рвет и мечет, откуда-то из её недр в сторону полицейского ограждения сыпется ответная очередь. В один миг изображение с высоко поднятой камеры пропало, толи это силы правопорядка решили, что снимать здесь больше нельзя, толи в неё попала пуля. Это не могло не радовать. Но темный экран быстро сменился изображением с другой камеры, под другим ракурсом. Цветной бунт уже начал забрасываться гранатами со слезоточивым газом и агрессивно заливаться из водомётов. Цветное сопротивление было резко сломлено, началось выцепление и захват особо буйных протестующих, через 10 минут о митинге напоминали лишь плавающий в лужах и разбросанный повсюду мусор в виде упаковок от чипсов, банок, бутылок, плакатов и валяющихся тел.

***

Нельзя останавливаться, слишком многое произошло, чтобы вот так вот просто устаканиться, Боги не просто так дали мне ещё один шанс, я должен исправиться. Да-да, именно исправиться. Многое во мне противоречило очевидным нормам арийской морали и нравственности, я был очень грешен по молодости, много пил и был антифа-

анархистом, с чем давным-давно резко завязал и ни капли не жалею. WP предложило мне иной путь, обстоятельства вынудили меня по нему идти. На самом деле Соратник глубоко заблуждался относительно моей личности, я представлялся ему этаким эйнхерием, фанатиком идеи. Ему казалось что я такой-же как и он, но на самом деле это была его ошибка. Конечно я расист, я человеконенавистник, я неоязычник, но не такой как он. Мои слова нередко расходились с делом, всегда были какие-то оправдания бездействию, лени, слабости, трусости. Но опасность заставит извернуться наизнанку любого. Вот и в моей жизни произошел переломный момент, когда ничего уже нельзя повернуть вспять. Когда он появился в ЭМске - я сразу почувствовал неладное, расстояние между нашими городами ведь немалое. А вскоре мне пришлось делать всё так, чтобы Соратник не увидел моей настоящей трусливой и подлой сути. Примерив на себя эту роль, мне пришлось творить самые страшные и ужасные зверства, просто чтобы не быть убитым. Но вскоре эта роль стала мной, единожды примеренная маска сумасшедшего маньяка и террориста приросла ко мне намертво, возможно снимет которую лишь смерть. У меня был шанс убить его ещё в самом начале, затем было очень много шансов убить его, когда у меня появилось оружие. Я мог убить его когда он спал, однажды даже выпал шанс убить его, просто ничего не делая. Москвич. Ах, Москвич, живая копия меня, он был таким-же балаболом, на иной расклад я даже не надеялся. Однако погиб он героически, от пули, защищая свою ещё не совсем появившуюся семью. Пришлось даже отрезать ему большие пальцы рук, смешно. Даже не знаю, по какой именно причине я всё-таки выбрал убить именно его, а не Соратника. Скорей всего потому что именно тогда я ощутил себя тем самым, кем в общем то не являлся, и поступил исходя из соответствующих принципов. Просто всё то что он мне говорил - в эти моменты сдетонировало, больше нельзя было притворяться, пришлось соответствовать.

Смотрю на свою соратницу и поражаюсь, столько злобы, столько ненависти, столько хладнокровия и вспыхнувшей жажды убийства. Это ведь невозможно столь искусно подделать. Эх, если бы ещё живого Соратника да свести с ней... Ух. Хотя с такими характерами - кто-то из них бы точно оказался расчленён и изнасилован, впрочем в

мутных человеконенавистнических понятиях Соратника не девственница приравнивалась к грязной шлюхе, которую как минимум нужно распотрошить и сжечь, потому то я и не решился заехать помимо Москвича ещё и к ней.

- Да, я русская и нацию мою обсирать и унижать не позволю - прозвучала от неё ещё одна причина, по которой Соратник её бы убил - даже тебе.

- Заступаешься за тех, кому на тебя насрать? Смешно.

- Зато мне не насрать, это мой народ и моя земля.

- Да какая ты русская? Волосы черные как смоль, вона как вьются, носик с горбиком, бровки черные, выщипываешь поди что они у тебя идеально правильные такие? - начал уже говорить я очевидное - навешное таки кошечная у тебе ктхофь.

- Самому-то не противно такое говорить? Получается, тобой еврейка пользуется? Отрежь себе тогда свой не в меру гибкий язычок, может тогда нести чушь перестанешь - очень язвительно ударила она меня в самое самолюбие и расхохоталась, аж взвыть захотелось от неспособности ответить

- Да ты на себя то посмотри, знаю я, как ты нерусским вдруг стал, давно то «Коловрат» слушать перестал? Дерьма все эти твои панъевропейские закидоны не стоят, ты язык то свой гхм... "родной" знаешь? То-то же. А родственников своих эуропэйских знаешь? Ничего то ты не знаешь, так что русский ты и характер у тебя русский, не из лучших причём.

- Да ты на лицо моё посмотри! Какой я тебе русский? Типично же европейская внешность, фальский тип!

- Что? Ты серьезно? Это даже не смешно, пойдём на улицу выйдем, там таких как ты фальских типов думаю немало наберется. Вот соратник твой да, там даже спорить не буду, даже не скажешь что украинец, скорее румын или болгарин какой-то, если вообще не с Кавказа, видно поэтому то с правыми у него было как-то не очень.

- Так ты с ним общалась? - проигнорировав все её доводы, быстро спросил я.

- Да, общалась. "Сашко Білій" же да? В соцсетях везде в братьях был у тебя. Он не?

- Он

- Вот видишь. Хороший был на самом деле, даже жалко его, хоть он меня и обсирал постоянно. И ненавидел явно. Станный человек, то душу изливал, то обсирал, да так что аж читать было противно, потом извинялся. А

однажды вообще, написал что простил бы мне всё и женился, правда потом опять обосрал так неслабо, обидно. А одно время даже вполне неплохо общались. Рассказывал всё как ему кажется, что он нравится некоторым девушкам. Спрашивал, что лучше говорить при знакомстве, что приятнее всего слышать, как произвести хорошее впечатление. Наивный.

Из её уст исходила речь о той стороне Соратника, которую я никогда бы не увидел, никогда бы не узнал и нигде не услышал. Из её рассказов мне стало понятно, что он - глубоко несчастный человек, чьё детство было лишено радостей, а существование - смысла. Не было другого выхода, просто ненависть в один момент сожгла весь его страх, вместе со всей жалостью и инстинктом самосохранения.

***

За солнечным днем настал пасмурный вечер, на улицах как обычно таял снег и подобно корабликам, плыл по течению разноцветный мусор в лужах. Говорят, что чтобы не быть обывателем - нужно плыть против течения, а плыву ли я? Мне так не кажется. Я плыву по течению, только по бурному течению, среди острых скал и опасных водоворотов. Перепрыгивая грязные потоки, и быстро пробегая по чавкающей грязи, добегаю до спасительного островка ещё не до конца ушедшей зимы - грязного наста по краям грунтовой дороги. Вытираю грязные кроссовки о грязный снег. Ну и дерьмо, ещё не дошли до места, а ноги уже начали промокать. Для такого случая следовало бы одеть свои старые добрые берцы, да вот не хотелось так глупо спалиться на прикиде.

Идти на дело в свете происходящих в последнее время событий следовало с крайней осторожностью, беспокойная Москва кишмя кишела патрульными с автоматами, проверяющими всё и вся. На дорогах пробки, нескончаемые очереди возле метро, суета среди прохожих, гул из натужного бибикания. Город переполошился, подобно блохастой собаке то тут то там пытающейся выкусить и вычесать больно кусающих и пьющих кровь паразитов, пришлось очень долго трястись в автобусе, пока тот, расплескивая лужи и подпрыгивая на колдобинах, наконец, доехал до нужного нам дачного поселка.

- Подожди - тихо остановила меня она и, замерев, вдохнула полной грудью - чувствуешь?

- Что?

- Вдохни полной грудью, посмотри туда - указала она вдаль, где вокруг лугов и полей с ещё не сошедшей снежной шапкой распростёрлись зеленые хвойные леса, на мгновение из-за затянувшей синее небо серой марли сплошных облаков, показалось солнце, озарив на миг эту красоту. Вдали виднелась игра света в легкой дымке тумана, свет сходился клином и расходился с неба лучами из-за просветов в облаках.

- Ты чувствуешь? Русь... - почти шепотом пролепетала она, устремив свои голубые очи прямо в эти хмурые небеса. Заглянув в мои глаза, она наверняка увидела в них такую же, как и на небе, серость. А я увидел в ней небо, чистое и неоскверненное. Этого хватило мне, чтобы вдохновиться, теперь наш план обречен на успех.

***

- А он реально тут должен быть?

- Да реально реально, надеюсь собаку не завел - раздражительно ответила она на мой уже далеко не первый назойливый вопрос.

В поселке было безлюдно, относительно свежие следы от протекторов зимних шин вели прямо к высоким черным металлическим воротам. Значит на месте. Собаку очевидно он не завел, потому проникновение через кирпичный забор не наделало много шума. Камер видеонаблюдения не наблюдалось тоже. Она правильно подгадала место, где лучше всего перелезть этот красный забор, со стороны гаража не было особо много окон.

- А хорошо устроился - было первой моей мыслью, при виде этого двухэтажного красного кирпичного коттеджа с зеленой крышей и пластиковыми окнами. Всегда мечтал в таком жить.

Рука уже сжимает рукоять стримера. Пригнувшись, пробегаю под окнами к входной двери, подпираю её стоящей рядом массивной доской, на всякий случай. Забегаю за дом, где возле запасного выхода уже ждет меня она. Поправляя свою любимую камуфляжную маску, наблюдаю за её жестами и внимательно вслушиваюсь в шепот.

- Он не один, там двое как минимум, послушай.

Прислонив ухо к двери, мне удалось расслышать какое-то хождение, смех и непонятное толи кряхтение, толи вздохи.

- Может в следующий раз лучше? - немного неуверенно прошептал я, опасаясь, что всё пройдет не слишком гладко. В ответ лишь увидел, как в прорезях для глаз её маски сурово нахмурились черные брови, и завертелся палец у её виска.

- Да ты дурак? У нас нет следующего раза, делай, как говорили - прозвучал презрительный шепот, и я принялся копать в замке недавно изготовленной отмычкой. Типичный "английский замок", ничего сложного. За открывшейся дверью оказалась ещё одна дверь, к счастью не закрытая.

Расстегнув свою спортивную сумку она протянула мне ни что иное, как блестящее, отточено острое мачете, также вооружившись таким-же. Бегло глянув на клинок, увидел там клеймо одной бразильской фирмы, дешево и сердито. Воровато приоткрыв дверь, заглянул внутрь, никого поблизости. Расслышал голоса, там как минимум двое, в комнате. Отступать уже некуда, резня и крики неизбежны, улыбка на её губах однозначно говорит об этом. В артериях уже забились наполняемая адреналином кровь. Шаг за шагом крадучись преодолевается расстояние до жизней тех непонятных тушек подошли мы к двери в комнату. У них нет шансов.

Кстати внутри этот коттедж выглядел также неплохо. Лаконичный дизайн, ламинат на полу, современная мебель, подходящие обои. За дверью слышались мужские голоса трёх будущих жертв. Холодная сталь в руке уже жаждала согреться теплом человеческой плоти и крови, пот питал перчатку. Мы договаривались не убивать сразу хозяина, а для начала допросить, если конечно получится. В данном же случае могла произойти оплошность, и тогда дом придется долго и упорно обыскивать самим, что очень чревато неприятностями.

Немного отойдя и резко пнув дверь, я был до крайности ошеломлён и одновременно взбешён увиденным зрелищем. Резко подскочив и вытаращив глаза, на меня смотрело двое странного вида «мужчин», и ещё один - привязанный к кровати. Секунды замешательства.

- ХО-ХО ПИДОРЫ!!! - насмешливо вырвалось из меня. И преодолевая возникшую пустоту в голове, взрываюсь агрессивными телодвижениями.

Следующие страшные секунды были наполнены истошным поросычьим визгом, мягкий ворсистый ковер буквально пропитался красной теплой жидкостью. Пара острых мачте энергично распарывала перетянутые кожаными ремнями накачанные побледневшие тела двоих молодых пидарасов. Это не был бешеный танец смерти, скорей точные и расчётливые удары, с чудовищной скоростью. Я как кухонный комбайн, нарезал живую плоть на бифштексы, бифштексы с кровью. Всё получилось не так чисто как хотелось, к слову эта парочка педиков оказалась весьма крупна и спортивна, потому тот голубчик, которому я приметившись попытался ударить пряником в шею – сумел закрыться руками, после чего начал орать ещё сильнее, агрессивнее отмахиваться, забрызгивая всё кровью и делая тем самым только хуже себе. Включилась адова мясорубка, перемалывающая мясо на кубики. Второй рванул из комнаты, но его ножки очень быстро подрезались, она очень оперативно перехватила его и профессионально забила всего парой ударов. Пока я пылая слепой яростью бешено лупил всё ещё орущего, истекающего кровью и уже ослабленно пытающегося закрыться руками мерзкого содомита. Вскоре я всё же выгадал момент и попал пряником в шею, похоже, даже между позвонками попал. Кровищи то бя, море-океан, весь изгваздался, как домой идти теперь? Палево. Тем временем связанная по рукам и ногам, заросшая седыми волосьями бесформенная дряхлая туша, раскрыв рот и неистово дыша, пыталась как-то оторваться от кровати. Но ремни держали его крепко.

– Ооооо, какое пикантное положение, лучше не придумаешь, да святой отец? Не довели до добра тебя деяния твои пидараснические – говорила она, заливаясь смехом – что ты так дышишь? Будто глушителю автомобильному отсасываешь, перед смертью не надышишься.

Шлепок ребром мачеты по жирному пузу кажется немного привел его в чувство. Тем временем я вышел из комнаты, посмотреть на труп второго голубка. Надеюсь, никто не слышал криков, надеюсь, двойные стеклопакеты надежно изолируют шум.

– Ух, какой красавчик – приговаривал я, отрезая мачетой голову этому раскинувшему руки смазливенькому петушку.

– Ну что ты такой неразговорчивый? А? Святой отец. Хочешь я тебе отсосу? А ты мне грехи отпустишь –

паясничала она перед беспомощным попом-извращенцем, вода по его дряхлому телу острием мачеты, оставляя глубокие кровоточащие царапины.

- Ах да, ты ж долбаный педик. А может он тебе отсосет? Смотри какой красавчик - указывая на меня, резко засмеялась она - А ты нам грехи отпустишь. Эй ты, лях, отсосёшь пресвятому батюшке за отпущение грехов?

- Вот он пускай лучше отсосет - швырнув в напуганно зыкающего попа свежеотрезанную голову, прохохотал я. Содержимое его желудка противно вырвалось наружу и потекло вниз на грудь по жидковатой седой бороде. После чего он резко отрубился.

- Нук, винцо, "кагор", красненькое - взяв с тумбочки открытую бутылку, прочла она этикетку - а я люблю красное, выпьем как-нибудь с тобой?

- Да я не пью как-то, завязал давно - несколько замялся я. Затем содержимое бутылки в её руке полилось на щекастую бородатую морду.

- Умывайся пидарас, мойся мойся - приговаривала она, размывая этой вишнёвого цвета жидкостью желтую блевотину.

Закашлявшись, поп всё же очухался. Если его бледной морщинистой морде добавить румяности, а бороде белизны и густоты - можно было бы сказать что мы издеваемся над Дедом Морозом. Похоже, он всё-таки решил удостоить наши скромные персоны своим общением.

- Что вам нужно? Бесы - раздался пронзительно жалостливый мягкий голос, срывающийся на истеричный плач - Спаси Господь души ваши грешные.

- Вот, заговорил, надо же. А нам немного нужно впринципе, всего-то ружья все твои, деньги, ключи от машины - перечислил я основные требования.

- А ещё дочку твою хочу и отпущение всех грехов - вставила она и расхохоталась поистине дьявольским смехом.

- Там наверху, в шкафу ружья, очень хорошие, забирай, всё забирай, не убивай только. Деньги все забирай, они тоже там-же наверху, там барсетка, в ней и ключи от машины. Только дочку мою не убивайте, пожалуйста, прошу - истерично всхлипывая, дергаясь на обхвативших его толстенные ступни и запястья ремнях, заливаясь соплями и слезами, замолил он - не убивайте её, прошу, она у меня одна, одна.

Слушать исповедь этого жалкого и мерзкого извращенца мне совершенно не хотелось, и потому я быстрее пошел наверх. На пути содрал со стены и разбил вдребезги аккуратную блестящую икону.

Сумерки уже окутывали безлюдные домишки и участки посёлка, намекая на скорое вступление в свои права ночи. Зайдя в нужную дверь, я крайне удивился висящему над двуспальной кроватью флагу с черепами и надписью "православие або смерть". В шкафу обнаружился весьма приятный сюрприз, хоть и ожидал я явно большего. В глаза бросились сразу 2 "сайги" - одна гладкоствольная, 20 калибр, оснащена тактической рукоятью и коллиматорным прицелом, другая уже нарезная, оснащенная оптикой, судя по всему калибра .223rem(5.56nato). Также нашелся двуствольный штуцер 12го калибра, что в общем то отчасти радовало, можно сделать знатный обрез. Особняком же лежало дорогое чешское ружье CZ550, калибра .308rem(7.62nato).

- Ты попяра хоть и пидор конченный, но оружием твоим всё-таки не побрезгую - проговорил я вслух, складывая в спортивную сумку ружья и карабины.

Не глядя, стребаю в сумку все патроны и какие-то дополнительные прибабасы. Снизу слышится развесёлый разговор моей соратницы с оказавшимся в столь пикантном положении, да ещё и уличённом в содомии "священником".

Открыв ещё одну дверцу этого огромного шкафа-стенки, обнаружил там неплохой с виду арбалет, в разобранном виде и с довольно таки немалым колчаном стрел или "болтов" к нему. Бережно собираю в сумку. Ох и увесиста же она, не меньше двенадцати килограмм - это однозначно. Я не пауэрлифтер, потому долгое ношение такого веса в столь неудобной сумке мне не казалось очень уж комфортным, но к счастью я обнаружил в этом-же отделении шкафа неплохой туристический рюкзак средней ёмкости, в который и затолкал сумку с оружием.

Снизу слышится её смех и требования пропеть молитву за отпущение грехов, с заманчивым предложением сохранить жизнь.

На тумбочке подле кровати красовалась пухлая кожаная барсетка, так, именно то, что мне и надо. Мельком глянул что внутри и малость прихуел, при виде приличной пачки тысячных и пятитысячных банкнот. Вынул ключи от машины и переложил в карман. Одевая на плечи лямки рюкзака, мне послышалось набожное бормотание,

очевидно молитвы. А также резвые крики о том, что молитву надо читать искренне, шлепки ребра мачеты по его подобному какому-то мохнатому рыхлому батуту жирному брюху разносились на весь дом. Но после призрачного, едва уловимого "рабе божьей", дом наполнился истошным криком, в миг сменившимся хрипом и её таким невинным, будто детским хохотком. Спускаясь с рюкзаком на плечах вниз, мне слышалось, как чавкаяще рассекается под ударами огромного острого ножа слой жира и дряблое мясо.

- Всё нужное собрал? Ничего не забыл? - отвлекшись от расчленёнки, проговорила она себе под нос, слыша, как я приближаюсь.

- Да нет, вроде всё сгрёб.

- Хах, ну тогда пошли - сказала она, повернув ко мне свои малость ошалелые, почти прозрачные глаза цвета льда.

Мачеты мы не просто побросали там или выбросили, как это предлагал я, а по её очень хитрому замыслу - вложили в руки тем двоим любителям гомоБДСМ, вот задачка то для следствия будет, а какие версии, ммм, даже представляю эти пидарасерские интрижки.

- Ха, всё так просто, даже и не думала.

- Не говори ГОП, пока не перепрыгнешь - вспомнилась мне одна народная поговорка.

- Да я не про это. Круто так, ещё хочу.

- А откуда ты узнала, что у него есть пушки?

- Да однокурсница бывшая пиздела больно много, вот и пропизделась. Её батёк то. То-то сюрприз ей будет.

На улице стемнело. Слегка покряхтев, завелся двигатель старой замызганной «семерки», оказавшейся в гараже вместо ожидаемого навороченного мэрсэдэса. Наиболее дорого в ней выглядели пожалуй лишь колёса. Впрочем, оно и к лучшему, никакой новомодной GPS навигации и тем более бортового компьютера там не было, Впрочем, и печка то включилась не сразу. Поехали мы спокойно и опять не выдолбили иконы с приборной панели, как-то было совершенно не до этого. Гораздо важнее было не нарушать правил дорожного движения и спокойно проехать мимо всех постов ДПС, коих как грибов после дождя выросло вдоль трассы.

Подобно нити плетётся чуть поблекшая за зиму линия дорожной разметки. Плетётся точно так-же и ниточка моей судьбы, очень запутанная ниточка. Норны прядут

нити судьбы, неужели это так? Хотелось бы в таком случае спросить у них - сколько ещё виться моей нити? Хоть это на самом деле слишком сложный вопрос даже для Норн, ведь нити прядутся здесь и сейчас. Соратнице не удалось самовольно перерезать свою нить, хоть она и неоднократно пыталась, уж больно прочными для неё оказались нити её вен, чрезвычайно непрочной оказалась веревка удавки, на которой она пыталась повеситься. Слишком мало оказалось таблеток для отравления, слишком страшно оказалось скинуться с одной из многоэтажек. И вот у неё появился Я - луч света в её внутренней тьме и беспросветном мраке. Хоть какое-то незначительное и временное спасение от которых она видела лишь в табакокурении и алкоголе. Для неё я рука помощи, то, что поможет ей умереть или родиться вновь. Не стоит унывать и кончать с собой по абсолютно пустяковым причинам, особенно если не получается, да и не хочется, страшно. Вдруг Я появлюсь и в твоей жизни, тогда нам будет гораздо интереснее обрести смерть не в одиночестве, полном бесполезности, безразличия и боли отчаяния.

- Машину в каком-нибудь глухом дворе паркуй, нехуй возле супермаркетов ставить - вымолвила она при самом подъезде к городу. Скрепя сердце мы всё-таки миновали на своём пути целых 2 поста.

- Почему?

- Надеюсь, в прошлый раз нам повезло. Камеры, дурень. Очень много камер и очень не хорошо получится, если нас на такой хуйне вычислят. Не забывай о конспирации, не пустые слова всё-таки.

Это напомнило мне её предостережение о том, что мне всё-таки стоит одеть презерватив. Не сказать, что она слишком боязлива, но вследствие недостаточной конспирации, могут возникнуть более серьезные последствия, чем вследствие недостаточной контрацепции. Удовольствия это уж точно не принесет.

После успешной парковки, мы вновь пошли по зассанным и заблёванным лабиринтам московских проходных дворов, один раз пришлось даже слиться в самом нежном и страстном поцелуе. Даже вид несколько подозрительного для данного времени суток и метеоусловий туристического рюкзака и надеюсь незамеченных пятен крови, не дал повода акабам остановить свой УАЗ и задержать целующуюся влюбленную парочку. В этот момент я целовал её настолько искренне и любовно, что на миг

забыл о том, какая угроза очерчивает фарами наши фигуры. В этот момент я почувствовал к ней нечто большее, чем просто привязанность, сведение нас обстоятельствами и временное сора́тничество. Нет, я почувствовал нечто иное, почувствовал что люблю, какбы пафосно и отвратно это не звучало. Если бы это было показано в формате фильма – зрители бы принялись бросаться попкорном в сторону экрана и кричать о том, что пришли посмотреть крутой боевик, а не любовную мелодраму, но мне уже как-то всё равно. После этого, до дома мы шли, взявшись под ручку и периодически сливаясь в поцелуях. Лежа в тесной кровати и обнимая её, мне становилось всё более не по себе от мыслей, что она поистине прекрасна, что люблю и ценю её, что готов убить любого, кто посмеет прикоснуться к ней, или косо на неё поглядеть. Ещё более не по себе мне становилось от той мысли, что задержав нас – мусора не откажут себе в удовольствии сунуть её в камеру к грязным таджикам, узбекам или ещё какой грязи, пристегнув руками и ногами к шконке. Созерцание того, как её изнасилует целая камера тех, кого она ненавидит и не считает за людей, доставит им искреннее садистское удовольствие. Впрочем, явно то-же самое они сделают и со мной, и сделали бы с Соратником – попадись он живым в их лапы. Это страшно, по настоящему страшно и рвет на части сердце. Око за око – так устроен этот мир, чрезвычайно жестокий и грязный мир, разрушив который, я обрету покой и свободу. Позже мы поговорили обо всем этом, мои глаза наполнились слезами и искренней любовью, когда она попросила убить её в том случае, если у серых свиней будет получаться взять нас живыми. Она прекрасно понимала, на какой путь встала, и это требовало от неё жертв, требовало силы и решительности.

Она с интересом разбира́ла-соби́рала карабины и винтовки, помогала пересчитывать патроны и даже попросила самой сделать из двустволки обрез, разумеется не без моих советов. Всего у нас было 75 патронов калибра .308win к CZ550, 125 патронов калибра .223rem к "сайге мк", крайне похожей на один из АК сотой серии, к сожалению аутентичного магазина на 30 патронов к ней не оказалось. 100 патронов 20го калибра и 75 «двенашек», к счастью в основном с картечью и пулями + ещё магнумы, стрелять которыми из обреза грозило скорей всего выворачиванием запястья. Ещё было

50 стрел к арбалету, также дополнительные магазины, дальномер, чехлы, один оптический, один коллиматорный и лазерный прицелы, которые при желании можно было повесить на ту или иную сайгу. Дополнительные плечи и тетивы к арбалету, который я решил собрать.

- Хорошая штука, здоровый такой правда - оценивала она девайс, оглядывая его в руках - сходить бы в лес, пострелять.

- Сходить бы, да рискованно так то, вон он здоровый какой, ещё тащить, то-ли дело мощная пневматика... - мечтательно задумался я, припоминая как однажды не очень безобидные пострелушки с балкона, обернулись пистолетной перестрелкой с полицейскими. Эх... Мне бы ТТ и Соратника - веселье и угар длились бы очень долго, возможно вместе нам и удалось бы что-то в этом мире изменить.

- Что будем дальше делать?

- Это у тебя следовало бы спросить ЧТО - ответила она с неким укором. Но кажется именно в этот момент её пронзительный взгляд узрел мою истинную сущность. Антифа, хрюсы, бляди, несколько мусорков, гопники - вот он мой уровень. Все мои жертвы были бесполезными сами по себе, я просто выплеснул на них накопившуюся ярость, но за яростью оказалась зияющая пустота, планомерно заполняемая в последнее время острым чувством справедливости.

Моя злость и агрессия имеет сугубо реакционную природу, даже в своей ранней юности я навсегда отписался от антифашизма и левых идей при весьма странных обстоятельствах. Так и помню - лет в 15 нажрались крепко на сквоте, причём крепче чем обычно. Я побуянил и дальше не помню что было, урывками помню что как-то попал на вписку. Как сейчас помню то прекрасное доброе утро, навсегда изменившее моё отношение к левакам, их идеям и их сущности.

Помню то замечательное утро, когда утреннее солнце мягко светило мне в глаза, и такой легкий теплый ветерок мне в лобок дует, потом бац, чувствую, сосёт у меня кто-то. Приятно так стало сразу, потеплело внизу живота, встал у меня конкретно от мысли что это одна из тех затусивших с нами рэдскингёрл мне минет делает, причём мастерски так, чувствовался немалый опыт. Даже не хотел глаза открывать от удовольствия. Думал, щас спущу ей в ротик, а потом уже посмотрю, возможно, отвечу взаимными ласками. Помню приговаривать что-то

типа "да, соси милая, да, я хочу тебя" начал. Открыл глаза, но смотреть кто это не стал, аж голову назад запрокинул от такого неопишуемого удовольствия. И когда уже начало подступать, чувствую что вот-вот уже кончу - решил взять её за голову чтобы протолкнуть как следует, дабы не отлынила от проглатывания. Ох, как из меня брызнуло, готов был петь "а Ленин такой молодой" от удовольствия. И вот что-то мне показалось в этот момент странным, очень странным. Не было же вроде ни одной лысой бабы там... Очень страшно стало опускать глаза, от моих догадок мой только что кончивший член съёжился в комок и зарылся в лобковые заросли, а к горлу начала подступать блевота. Мои догадки подтвердились.

- АХ ТЫ ЁБАНЫЙ ПИДРИЛО!!! ЗАЩЕКАН ПАСКУДНЫЙ!!! УЕБУ ПЕТУХ!!! - заорал я тогда во всю глотку, вырвав из тихой утренней похмельной дрёмы всех кто, был на вписке и перепугав этого долбаного шарпа-пидрилу. Нет, я конечно подозревал и раньше что он какой-то странный, скакал из компашки в компашку, вроде даже дружил одно время с бонами, пока те его не избили и с моста в реку не скинули. Наша кампания тогда уже около года с ним общалась, казалось, что всё нормально. Но в тот момент моему гневу не было предела. Помню, что неслабо так лягнул его в табло с двух ног, а он давай убегать с дикими криками, сверкая намасленной голой жопой. Я вскочил за ним, забыл что у меня штаны спущены - плашмя грохнулся в чью-то блевотину, рукой размазал что-то напоминающее грязь, говном сразу-же завоняло. Я был поистине взбешён, схватив сломанную табуретку и подтягивая одной рукой штаны - гонялся за ним по всей квартире и с дикими криками лупил что было силы, то и дело задевая мебель, полки, зеркала, пытающихся вмешаться "друзей", покуда виновник переполоха отчаянно не выпрыгнул с третьего этажа в распростёртые объятья веток растущего под окном клёна. Конечно, спустя годы эта история выглядит более чем забавно и курьёзно, но в те моменты мне было не до шуток, в состоянии похмельного синдрома, я за считанные секунды собрался и выбежал из той проклятой квартиры. На этом моё увлечение левыми идеями и антифашизмом закончилось.

Однако жажда отомстить пидору, да и вообще всей этой компашке, с которой я и не подозревая выпил столько литров спиртного осталась. Я не отвечал на их звонки и

не подходил к двери. Этого было достаточно, чтобы они вскоре забыли меня. Сам же времени зря не терял, сбрил этот цветастый петушиный гребень с головы, немного проникся идеями того, что Россия – русская страна, хачей надо пиздить и гнать, а говнопанков и особенно пидоров-антифашистов так и вовсе убивать. Крайне быстро я сбухался с компашкой фашиствующих алкоскинхедов и благодаря моей наводке, был совершен точечный удар по левацкому сброду. С громким улюлюканьем и криками "получи пидрило", забивал я гремющей цепью от качелей того самого, да и мои новые друзья не отличались особым гуманизмом – одному моему бывшему знакомому пробили голову арматурой, он лежал возле скамейки, держась за текущую кровью голову. Таскали за волосы мою бывшую подругу, переходившую как достояние кампании из рук в руки. Никого не было жалко. Так и влился в эту движуху. Вообще мы были веселыми ребятами, били дворников, стригли панков и хипарей, жгли фаерами и били пластмассовыми стульями чурок на стадионе. Агрессия лилась из меня рекой. На переменах в школе мы с одним таким-же бритоголовым одноклассником строили в ряд других одноклассников и проводили планомерное избивание по таким причинам как проколотые уши, неправильный внешний вид, дурацкая причёска, косой взгляд. Опять таки благодаря одноклассникам, я с корешем не испытывали особого недостатка в деньгах. Разумеется, состоял на учете в детской комнате милиции, набил кривую татуировку. А потом всё резко съехало на тормозах, кто-то поступил в ВУЗ, кореша вскоре посадили за гоп-стоп и изготовление наркотиков, кто-то обзавелся семьей и более не интересовался темой. И так я остался наедине с собой – худым бритоголовым ПТУшником – двоечником, абсолютно бесперспективным и бесполезным. Боец был из меня никакой, годился лишь в качестве фона для ужравшейся пивом толпы в 15 человек, бьющей дворника подручными средствами, вроде выдранного из забора ближайшего палисадника штакета с гвоздями. Тогда-то мне и пришлось познакомиться со многими трудами известных расистов, стать даже некоторым философом в этом плане, куда мне не пришлось столкнуться с более чем жестокой действительностью. Удары тех здоровенных борцух и смех той шлюхи попросту выдернули меня из моей светлой и комфортной мечты, из моего уютного внутреннего мира, пошатнули сами основы моего бытия и

мировоззрения. Ничего не происходит зря, и это не прошло для меня даром. Я наполнился ненавистью, пытался тогда стать тем, кем я стал сейчас, но не выходило. Соратник во многом помог мне, очень помог, в некоторых случаях помощь действительно необходима человеку, чтобы он стал тем, кем мечтает. Настоящей дружбы и любви я вкусил лишь перед смертью, так получилось, вопрос лишь в том - когда она настанет.

***

Я как бесполезная пехота не совершал никаких шевелений в плане поиска целей, она делала всё за меня. На самом деле понимая тяжесть совершенных противозаконных деяний - совершать какие-то бесполезные шевеления особо не хочется, хочется делать что-то, что уже окончательно и бесповоротно дестабилизирует ставшую весьма шаткой обстановку в стране. В телевизоре всё чаще говорили о революционной ситуации, под создавшийся шумок активизировались все возможные радикалы - от коммунистов с анархистами, до радикальных православных и ЛГБТ активистов. Массовые несанкционированные митинги и протесты всякий раз перетекали в массовые драки и погромы, отличились в которых, пожалуй, только радикальные националисты - догадавшиеся бросать в полицейские заграждения бутылки с "коктейлями молотова" из-за спин хоругвеносцев и прочих разного рода неадекватных империалистов, после чего также внезапно растворявшиеся в толпе.

В Москве начиналась настоящая паранойя и "охота на ведьм", особо курьезной была задержка подозреваемых по делу недавнего забрасывания головы африканского студента на территорию одного из институтов международных отношений. Кто бы мог подумать, что власти всерьез задержат и инкриминируют особо тяжкие статьи двоим подросткам четырнадцати и пятнадцати лет, исписавшим стену близлежащего к институту дома ксенофобскими лозунгами. Сплошной смех. Однако кроме как на нацистов, облавы начались на разного рода леваков и антифа. В Москве было уже задержано порядка двух левацких организаций, готовивших разного рода теракты. Однако не отставали и автономные националистические силы, взявшие на вооружение новую тактику малых уличных пакостей - начали прожигать газопроводные трубы при помощи термита. Пожары

происходили что надо, однажды ребята так замечательно подгадали и прожгли огромную трубу прямо возле бензозаправки. 2 дня была сплошная эвакуация и безуспешные попытки потушить разразившееся испепеляющее пламя, потушили только тогда, когда прогорело всё топливо. Ребята подгадали всё крайне хитро – за день до пожара на заправке был завоз топлива. Пламя стояло высотой в 5 этажей, черный дым клубился над крышами высоток, произошло несколько случаев отравления токсичным дымом, погибло в общей сложности 10 человек. Какой-то энтузиаст додумался закупить сварочных карандашей для резки металла и приладив к ним нехитрый фитиль – привязывал к газовым трубам студенческих общаг. Находящиеся под давлением трубы буквально рвало, газовое адово пламя доставило студентам и газовым службам немало хлопот. Эту тенденцию уже окрестили в СМИ как «газовый терроризм», а сами правые не иначе как «газенваген». Вслед за газовыми трубами – додумались пережигать большим количеством термита опоры ЛЭП, превращать в металлический расплав рельсы. Всего-то было и нужно – ржавчина да серебрянка в должных количествах. И как я сам до такого раньше не додумался? Теперь уже заниматься подобным поздно, а она говорит, что нам предстоит ещё много чего сделать, что возможно мы попадем из серой массы пряником в красочные учебники истории. Пафос, чушь. С одной стороны мне уже всё стало безразлично, а с другой – я искренне любил её, во многом боготворил и превозносил, даже в шутку звал её не иначе как Госпожа. Ей повезло, она почувствовала свою силу, она чувствовала, как её народ постепенно пробуждается, чувствовала, как незримо поднимается волна народного волнения.

Днём всё было спокойно, а по ночам на улицы выходили разного рода активизировавшиеся после долгого сна автономы. Анархисты, националисты, большевики, граффитисты – все они хотели донести свои идеи до масс, своими действиями верша некоторые перемены. Кто-то бросил коктейль молотова в приемную правящей партии, кто-то начал усиленно жечь машины, кому-то взбрело в голову оставить муляж взрывного устройства возле городской думы. Зайдя на некоторые некогда спокойные "экстремистские" интернет-ресурсы, я заметил, что они под завязку забиты призывами жечь, убивать, взрывать, крушить систему. Была масса отчетов

массы разрозненных групп о проделанной работе, материалы о том, как приготовить коктейль молотова, термит и самодельные взрывчатые вещества. Администрация ресурсов шла ва-банк, осознавая насколько высоки ставки и что пока их не закроют - нужно выдать как можно больше нужной для активизировавшейся молодежи необходимой ей информации. Это была уже не игра по маленькому - на кону было поставлено всё. Столь долго молчавший и терпевший народ в лице своей жестокой молодежи принялся отыгрываться за былые унижения.

Настала весна, белая весна - именно так плешивые ученые с заплесневевшими мозгами объяснили всплеск молодежной агрессии, которая не миновала и страны некогда консервативной и толерантной Европы и конечно же Кавказ и Ближний Восток. Весь мир будто оттаял в эту весну, а я был лишь одним из тех, кто из ледяной глыбы потек живым журчащим ручейком. Теплым, кровавым ручейком. Я лишь теку по просторам оттаивающей земли, ручеек, ручеек, ручеек... Тьма рассеивается, уходит холод, за тьмой мелькает брезжущий свет едва мерцающего арийского рассвета. Власть не сдавалась просто так, а пожизненный президент-диктатор издал указ о разрешении стрельбы на поражение в случае совершения незаконных деяний на любом несанкционированном митинге. Это было подлинным сюрпризом для либеральной оппозиции, устроившей массовый пикет возле одного из исправительных учреждений закрытого типа. Причиной протеста стала весть о убийстве одного из их единомышленников в ходе зверских пыток, совершаемых правоохранителями по указке сверху. Одна лишь небольшая очередь из автомата над головами превратила весь этот пикет в повальное бегство и давку протестующих друг друга ногами.

Мы не могли что-либо делать в условиях такого тщательного контроля на улицах и повсеместного патрулирования. Оставалось лишь одно - ждать пока всё более-менее уляжется и следить за происходящими событиями, чтобы выяснить где находится эта самая точка G, над которой следовало бы провести определенную работу. Госпожа со своими поисками оптимальной жертвы то и дело занимала компьютер, отвлекая меня от проектирования в редакторе одного замечательного военного симулятора возможные сценарии возможных вооруженных акций.

Я не спускал с неё глаз, всё время мы были вместе. Даже когда она выходила из дому в находящийся в 150 метрах от дома магазин за продуктами – я наблюдал за ней с окна, поставив рядышком с собой снаряженную нарезную "сайгу". Она регулярно баловала меня различными блюдами, рецепты которых вычитывала в интернете, этим она изменила на корню моё отношение к женьтьбе, семье и детям. Благодаря ей, помимо гнева, во мне появилась и отчетливая цель, вернулась давняя мечта – жить в "белом раю". Старый злобный и ненавидящий Я – кажется умер навсегда, уступив место новому, светлому и доброму Я.

***

Сегодня у нас произошел небольшой бытовой конфликт на почве моего тунеядства, которое я оправдывал конспиративными мерами. В общем, мусор выносить сегодня придется мне. Надевши шлепанцы, я всё-таки преодолел эти несколько метров подъезда и опустил черный мусорный мешок в мусоропровод. Немного подумав над тем – что бы ещё сделать, спустился вниз и решил глянуть почту, чисто на всякий случай. Через круглые прорези в грубо окрашенном железе дверцы почтового ящика, увиделся листок, похожий на газетный. Холодок прошелся с головы до пяток, противное чувство создала дрожь в груди. Неужели повестка в мусарню? Черт... Дрожь и противный холодок сменились легкой эйфорией облегчения, когда открыв ногтем замок почтового ящика, я извлек оттуда почтовое извещение о посылке. Однако что-то так заставило меня призадуматься на время, пока я читал ФИО получательницы. Это вызвало во мне весьма смешанные чувства, её фамилия и отчество просто кричали о некоторой странности её происхождения, кричали о том, о чём она не любила говорить и всякий раз мастерски съезжала с темы, яро называя себя русской. Смешанность чувств не давала мне покоя весь путь до квартиры. Неужели она не могла признаться раньше?

– Что так долго то? Я уж думала, тебя там скрутили по дороге, или в мусоропровод провалился – с привычным хохотком встретила она меня.

– Извещение тебе пришло, с почты.

– Какое?

Спустя миг, легкий румянец с её гладких щёк пропал, она молча забрала этот прямоугольный листик газетной бумаги у меня из рук, после чего уткнувшись в него, как-то молча пошла на кухню.

- Ха. Во тупая. Всё-таки так и не забрала посылку - сказала она так, будто неохотно произносила заученный текст и небрежно затолкала этот листик в карман шорт, после чего отвернулась к своим кастрюлям.

Я просто подошел и обнял её, так, как никогда раньше. В этот момент я увидел в её лице и светло-голубых глазах нечто оттуда, из того странного и отчасти чужого мира, нечто необузданное и очень гордое, нечто оттуда, с высоких скалистых гор на юге, что-то такое молодое и жестокое. Я будто растворился в её взгляде, даже не замечая, как в попытках обуздать эту гордость, разорвал на ней одежду, даже не заметил, что делаю ей больно, но в то же время приятно. Плевать на всех и всё, она - белая.

Всё что она сказала, лежа задыхаясь в беспомощности и изнеможении - это то, что я по-настоящему искренний. Надеюсь это так.

***

Она долго искала цель, ещё дольше она искала необходимую информацию по тому самому судье, которому было предоставлено право судить "белую месть". Организацию впрочем довольно мало всего совершившую, но за счет приписанных ей чужих акций - ставшую по настоящему знаковой, ставшей для всех расово мыслящих живым примером того, как следовало действовать. Зная, что на свободу они точно не выйдут - фигуранты дела взяли на себя все прошедшие до их посадки акции и происшествия. Благодаря ним, я был в общем то чист как стеклышко и разумеется, за такие услуги платить нужно щедро. Этот судья был по-настоящему знаковым. Он выносил приговоры по многим делам, которые так или иначе были связаны с наци, либо криминальными ОПГ. Его приговоры всегда отличались строгостью, по сути это был прокурор в судейской мантии и с возможностью выносить приговоры. Потому было неудивительным то, что многие криминальные структуры точили на него зуб. На одном замечательном закрытом сайте, ею были вычитаны все необходимые данные, что избавило нас от необходимости проведения слежки.

Да, на этот раз дело было посерьёзнее убийств негров в подворотнях и тупой резни в загородном доме, на этот раз требовался подлинный профессионализм, которого у меня в общем то небыло. Интересно, оправдан ли риск?

***

Это утро не было добрым для меня, потому как подыматься вместо привычных двух часов дня приходилось в шесть часов утра. День обещал быть более чем интересным. Этим хмурым черно-серым утром, я почувствовал себя самым настоящим работающим россиянином. Утренняя давка в маршрутке, а затем ещё и в метро, заставила меня вспомнить свою подлинную ненависть к создающим шум обывалам. Пока ехал - едва не проебал сумку с верным CZ550 и нарезной «сайгой». К счастью обошлось без инцидентов и, выйдя на нужной станции - езда на маршрутке продолжилась. Вот он дом, в нём то и проживает наша цель, но нам не в него. Вот он и его роскошный лэндровер. Конечно проще всего было бы подождать его в подъезде, или заложить бомбу под авто, знай я точное время его выхода из дома и будь я уверен что сегодня он поедет на своей машине. К счастью это спальный район в центре столицы, потому довольно тихий. Окидываю своим дилетантским взглядом эти длинные панельные двенадцатиэтажные челоуейники, в поисках наиболее подходящей огневой точки. Дух захватывало от того, насколько крутой показалась мне запланированная акция.

- Этот - тихо проговорил я сквозь клетчатый шарф, быстро указав ей на кажущийся наиболее подходящим дом.

Домофоны и навесные замки - это лишь иллюзия защиты, его величество интернет предоставил нам полный список всех паролей от домофонов, а ловкие пальцы с самодельной отмычкой ловко взломали все навесные замки, висевшие на ведущих на крышу люках. Даже несмотря на перчатки - поставил новый рекорд по уходящему на их открытие времени, после чего навесные замки отправлялись в мусоропровод. На всё пра всё ушло порядка получаса, больше всего времени заняли поездки вверх-вниз на лифте. Камеры возле подъезда по-любому неплохо засекли нас. Надеюсь, сочетания кепки, шарфа и капюшона достаточно скрыли наши лица.

"Ползут этажи так убийственно медленно мимо

дрожащих истерзанных рук" - приелась старая добрая песенка.

"влезая в чердачный удушливый мрак

Пока всё нормально

Голуби, тише, гадьте спокойно

Я вам не враг" - уже вслух напевал я ту песню, озвучивая свои действия. На крыше было сыро, ветер завывал в небольших ветровых окнах, идеально подходящих для снайперской стрельбы. Нахождение на этом своеобразном чердаке несколько настораживало, как-бы кто не влез из праздного любопытства. Потому дабы предотвратить подобное развитие событий - Госпожа настояла на том, чтобы я взял с собой помимо CZ550, ещё и нарезную "сайгу", цевьё которой она уже поглаживала и очевидно собиралась с её помощью не только подстраховывать на всякий случай.

Начались минуты томительного ожидания, в которые я через оптический прицел оглядывал то подъезд, то шикарный лэндровер цели, то подглядывал в окна его дома. Хорошая оптика, а пяток выстрелянных два дня назад в лесу патронов показал прекрасную пристрелку и замечательные характеристики винтовки, прекрасный баланс, наводить на цель - одно удовольствие. Я стрелял на разные дистанции, немного освоил оптику. К слову попадания на дистанции порядка 300 метров для меня были уже крайне проблематичны. А она сидела возле своего окошка и с блокнотом что-то высчитывала.

- Что ты там пишешь? - не удержался и спросил я, не отрываясь от оглядывания через оптику окружающих домов.

- Да дальномер похоже пиздит малясь, прикидываю тут суммы квадратов катета и чему равна гипотенуза, вычисляю квадраты приметной высоты дома и расстояния от дома до цели, калькулятор бы, мобил то нету.

- Да забей, тут метров восемьдесят, не более. Попадёшь ты со своей сайги, попадёшь.

- А светает то всё раньше, посмотри как красиво.

На улице в этот момент расцвел самый настоящий кровавый рассвет, осветивший багряным светом крыши высоток. Я уже видел такой свет перед акцией, правда то был закат. Спустя пару минут, этот чудный алый свет потух, сменившись привычной серостью и отражающимся в немалых лужах панельно-стеклянным убожеством. Спустя ещё пару минут томительного ожидания, во двор заехал черный тонированный джип марки BMW. Сквозь не совсем

глухую тонировку, мне удалось разглядеть там троих лысых мордovorотов. Авто остановилось, отчасти перекрывая обзор двери в подъезд. Двое из них, в очках, такие одетые в строгие костюмы амбалы, высыпали наружу. Через оптику я разглядел даже черные витые проводки возле их ушей. Наверняка ведь под их пиджаками одеты броники, да и тачка небось тоже бронированная, с колесами из сплошной резины.

Патрон в патроннике. Дыхание стало подхватывать, ожидание наполнилось некой эйфорией и весьма неприятной накатывающей тряской в руках, унять которую я пытался всеми силами. Это были секунды предвкушения, нервы на пределе и любая внезапная мелочь способна привести к срыву. Мы внимательно смотрим в оптические прицелы, прицельные сетки пересекают вдоль и поперек то автомобиль, то дверь. Водила курит, открытое ветровое стекло резко снижает шансы на то, что им удастся улизнуть. Если это стекло вообще бронированное.

- Бери на себя водилу, а я о цели позабочусь, стреляй после меня - сказал я, пристально вглядываясь через оптику в металлическую дверь.

Меня переполняет то радость, то попытки обрести спокойствие и равновесие. Я снял винтовку с предохранителя и едва не открыл пальбу, когда дверь резко распахнулась, и из неё буквально вывалился, громко долбанув дверью некто, одетый в потертую кожанку и очевидно пьяный в стельку. Он обнял один из подпирающих козырек подъезда столбов и потеряв шапку, потихоньку скатывался вниз, мда. И это центр. Почему-то так некстати вспомнилась дурацкая песня одной советско-российской алкопанк группы, столь любимой мною в юности.

«над родною страной солнышко встаёт
А российский мужик пьяный уж орёт» - так некстати буквально заиграло у меня в голове.

Вот они, ВОТ. Двое амбалов-охранников моментально принялись отгонять разлегшегося на грязном крыльце возмущающегося пьянчугу. ВОТ ОНА ЦЕЛЬ - тощий, жутко длинный и седой, с повисшими как у спаниеля щеками и длинной тонкой индюшачьей шеей. Он остановился на крыльце, глядя на то, как двое его охранников-мордovorотов оттаскивают махающую руками пьянь от крыльца. Нервы на пределе, руки будто окаменели, задерживаю дыхание. Напряженные секунды непреодолимой пустоты. Перекрестье прицела на миг задерживается

прямо на его лице, удар сердца и мой палец плавно выжимает спуск. Я аж почувствовал, как работает надежный механизм винтовки, толчок резинового тыльника приклада в плечо и усиленный пустотой чердака грохот ударил мне по ушам, затем разошелся гулом по округе, будто окатив ледяной водой и в миг возвратив в накалившуюся действительность. В мгновение рассеялся грибок сизого дымка. Пока я передернул выплкнувший желтую, дымящуюся пороховым дымом блестящую гильзу затвор – грохнуло 3 выстрела из сайги. Две из трех пуль – точно в цель, водила труп. Пока навел перекрестье прицела на одного из залегших телохранителей, шея и голова другого уже брызнули фонтанами крови. Нажимаю спуск – экспансивная .308 пуля буквально разносит на части затылок второго охранника. Наверное они даже успели сообразить, что вообще произошло, один лишь сопротивлявшийся алкаш сумел забежать в подъезд и тем самым спастись. Передернув затвор, для верности выпустил ещё пулю в распластавшееся кверху развороченным экспансивной пулей лицом, но ещё агонизирующее тело судьи. Госпожа последовала моему примеру и тоже выпустила в этот мешок с костями пулю. Уж теперь-то точно сдох, отдаленно похожие на попытки встать конвульсии прекратились.

Мы быстро убрали в сумку поставленные на предохранители винтовки, собрали ещё теплые и дымящиеся гильзы. Я даже вдохнул их дым, прежде чем затолкать в карман джинсов. ДА. Это тот самый запах, обожаю его. Не теряя ни секунды, мы вылезли в самый крайний и дальний подъезд, побежали вниз по лестнице. Бег вниз с прыжками со ступенек был явно быстрее скорости лифта, неслись как угарелые, разве что не перепрыгивали через перила. Мелодия в голове резко сменилась на одну из песен фигурировавших в известном фильме.

– Вечно молодой, вечно пьяный – бормотал я на бегу себе под нос. Немного пробежали выйдя из подъезда, затем сменили бег на быстрый шаг, а затем и вовсе просто дошли до одной из остановок и покуда город ещё не опомнился – сели на первую попавшуюся маршрутку, после чего сели на метро, доехали до не самой близкой к дому станции. После, около часа плутали по дворам, только затем сели на маршрутку и добрались до дома,

где молча придались по-настоящему животной страсти. В её волосах ещё сохранился легкий запах пороховой гари.

Проснулись мы вечером, как раз перед вечерним выпуском новостей. Это был фурор. Столь дерзкой и спланированной акции не ожидал никто. В интернете уже вовсю велась война версии, начиная от совершенного ОПГ заказа, заканчивая иностранными наёмниками, нанятыми российскими неонацистами. Новость взорвала общественность, правозащитники и чиновники всех уровней в голос завопили о опасениях за свою жизнь. СМИ транслировали в прямом эфире обращение президента, пообещавшего любыми средствами уничтожить преступников, кем бы они ни были и какие силы за ними бы не стояли. Также было показано выступление одного из депутатов государственной думы, громко кричавшего что против страны начата война, несомненно развязанная США. Поводом для разговоров о иностранном вмешательстве послужило озвучивание в СМИ калибров, причём экспансивные пули калибра .308 так и вовсе были названы разрывными, что породило настоящее помешательство.

***

Тем временем началась натуральная резня между разного рода приезжими и местным русским населением. Но эта резня скорее носила бытовой характер, несмотря даже на выкрики типа "режь русских свиней. Аллаху Акбар" со стороны приезжих и "вали черножопых. Слава Руси" со стороны русских. По крайней мере, о бытовом характере массовых драк и взаимной резни говорилось в СМИ. Но вскоре интернет пополнился видеозаписями о том, как здоровенные выходцы очевидно с Закавказья вывезли в лес двоих русских парней лет 16и и после длительных унижений и долгих оскорблений в адрес славян, острые ножи отделили от тел головы этих двоих юношей. Это было по-настоящему душераздирающее зрелище - упивающиеся своей безнаказанностью звери сперва долго избивали этих двоих, громко включив на одном из автомобилей развеселый кавказский мотивчик под "лезгинку", слышались выстрелы из пистолетов. Затем музыка утихла и этих двоих рыдающих светловолосых юношей заставили раздеться догола, после чего заставили их просить прощенья у всех подряд и за всё, затем после ещё нескольких развеселых ударов и

выстрелов рядом с ними, под предлогом отпустить и громкий хохот заставили их делать минет. После чего их окатили мочой, включили музыку и, несмотря на обещание и их надрывные крики, звание на помощь матерей и взывания к господу богу – отрезали головы, причём по всему было ясно, что резать головы им приходилось нечасто, всё это выглядело в крайней степени грязно и омерзительно. Далее был целый ряд видео, в которых зверьми насилывались белые девочки и даже парни младшего возраста. Этих видео всё прибывало и прибывало. Прикрывавшиеся чуть что властью зверьки, уже во всю показывали свою сущность и никакого намека на возвращение былого относительного межнационального мира более не наблюдалось. Славянскому населению этой страны была объявлена война, причём не русскому, а конкретно славянскому, что однозначно касалось и меня. В одном из видео было показано, как насилывалась девочка лет пятнадцати, на глазах у её бездействующего, взятого на прицел травматикки и истерично плачущего парня, который при этом обоссался и кажется уже сошел с ума. После чего, под истеричный смех черных насильников – ей с особой силой и жестокостью вставили толстую, ржавую, почти метровую арматуру во влагалище, на всю длину. Кровь, сперма, грязь – всё это перемешалось в одной жиже. Мне было не по себе, просматривая всю эту мерзость, чтобы всё это описать – мне не хватало слов. А при просмотре видео, где забивается ударами ног беременная женщина – у моей соратницы началась настоящая истерика. Я никогда её не видел такой, её лицо побелело до цвета бумаги, она рвала и метала, кричала и грубо материлась, расшвыряла всё, что попало ей под руку, свалила шкаф, схватила табуретку и снесла ею книжные полки. После чего грохнулась вниз лицом на кровать и громко разревелась, повторяя одно лишь слово – СУКИ. Лишь тогда я рискнул подойти к ней и сказал то, что думаю. Это было вне всяких пределов. Она тоже начала высказываться, местами переходя с шепота на крик и размазывая по лицу слезы, это был настоящий психоз. В этих видео часто подписывалось в конце, что точно также будет со всеми "фашистскими славянами", их матерями, детьми, женами, братьями, сестрами и всеми остальными родственниками. В одном из видео один из убиваемых очень громко кричал мол не славянин, что тоже не любит славян и фашистов, в итоге лишь позабавил всех этим самым, учитывая что

его разорвали двумя джипами. Пока разматывались тросы - он успел отречься от всего и вся, попутно молясь на иврите и предлагая что угодно ради сохранения жизни.

Что удивительно - СМИ молчали, власти бездействовали. Лишь администрация видеохостингов усиленно удаляла видеозаписи и банила пользователей. А полноценного славянского ответа так и не происходило. Разве что появилось несколько видео, где толпы щуплых подростков то и дело забивают дубинками и ножами каких-то совершенно не бандитского вида одиноких инородцев. Однако администрация ещё не закрытых наци-ресурсов уже назначила "общеславянскую ночь мести". Соратница требовала каких-либо действий в адрес озверевших инородцев, в её горячей крови по-настоящему закипела ненависть. Я зауважал её, когда после того как я сказал что мне в общем то безразличны пострадавшие россияне - она с силой шлепнула меня по лицу и назвала тупой эгоистичной свиньей. Я никак не ответил на эту хлесткую пощечину, она была по-настоящему заслуженной. Пока на моей щеке разгорался красный румянец - она, едва не брызжа слюной, кричала о том, что на месте той беременной женщины могла оказаться она, с моим ребенком под сердцем.

- А если бы меня эти твари изнасиловали у тебя на глазах? А потом ещё протолкнули туда прут ржавой арматуры. Ты реально настолько тупой или прикидываешься? Им реально похуй кто ты есть вообще, ты - не они, им этого достаточно. Ты с ними баранов в горах не ебал, в клубах героин с ними не нюхал. Понимаешь башкой тупой своей? Мудило бя.

Как это не странно, но в этот момент у меня появилось к ней настоящее уважение, такая не даст себя в обиду, она заставит меня делать то, что ей нужно, она - идеал. Я понял насколько это приятно - быть нежным с такой девушкой и всячески перед ней лобызеть, преклоняться и уважать, делать всё, чтобы ей было приятно. Вот и вновь мне предстоит делать ей приятно, иначе она попросту прострелит мне башку и отправится сама доставлять себе удовольствие.

- Мы уничтожим их - улыбаясь, проговорила она, так сказала Богиня, после чего слизала кровь с моей порезанной руки. Мы порезали руки и прислонив их друг к другу, накапали в стакан, после чего поровну выпили нашу с ней кровь, отдающую солью и привкусом металла.

Слышал так делали ККК, в знак того что они одной крови. Вот и мы теперь с ней, одной крови.

***

Весь день она переписывалась с кем-то в интернете, говорила, что с подружкой, лучшей подружкой, оживленно переписывалась. Тем временем я принялся доводить до ума немного недоделанный ею обрез. Выровнял напильником немного косо спиленные стволы, вооружившись ножом, сделал гораздо более ухватистой рукоять. Немного подумав - решил вырезать на рукояти ещё и руны. Твердое дерево резалось неохотно, но хоть и грубовато, но вырезать желанный рунескрипт и пару солярных символов мне всё же удалось. Но на этом я не остановился, по тихому взял из трюмо её лаки для ногтей и принялся за нечто, столь излюбленное мною - рисование. Подвел малость черным корявую свастику и валькнул, выделил серебристым руны, затем вновь взялся за нож и плетениями украсил цевьё. Общий вид оружия преобразился, но за делом я и не заметил, как стемнело на улице. Вернувшись к ней в комнату, показал результат своего труда.

- Ммммм, неплохо, зря правда серебристый лак использовал, нарушает баланс немного - оценила она.

- Ну, на что горазд

- К нам девушка сейчас придет

- Что ещё за девушка?

- Катя, подружка моя, Катюшка, не обижай её, ладно? Она хорошая, хоть и чудная немного. Но вы поладите, наверное друзьями будете - произнесла она и с неким подозрительным скрытым коварством улыбнулась

- Да нахрена?

- Не кипятись, она гостинцев нам принесет, Катюша хорошая. Она конечно странноватая, но не тупая, уж поверь.

По её глазам и мимике можно было понять, что это снова какая-то часть её очередного гениального плана, однозначно что-то интересное она задумала.

Спустя пол часа ожидания - раздался звонок в дверь, до этого момента я даже не знал, как звучит её дверной звонок.

Глянув в глазок, она быстро открыла дверь и, пропустив в прихожую, принялась целовать в засос свою подружку. Подругу, которая впрочем на первый взгляд не

выглядела странно. Коротковатые аккуратные тёмно-русые волосы, пышные формы, кругловатое миловидное и даже блаженное лицо и какие-то совсем пустые глаза, напоминающие своим цветом болото. Эти глаза как-то с удивлением посмотрели на меня, подобно трясине засасывая своей зелёной пустотой. Она принесла с собой сумку, в которой оказалось не что иное, как компоненты для создания взрывчатых веществ, ну и какие-то непонятные баночки и кисти.

- Ты ведь не против, если Катя поживет немного с нами? - поглаживая её упругую пышную задницу, спросила моя любовь.

- Да не против - усмехнулся я, поняв немного, что к чему.

- Да, я недолго - таким идеально женственным, если не девчачьим голосом произнесла Катя, расплываясь в блаженной и кажется мечтательной улыбке.

***

Не знаю как так получилось, но ближе к ночи получилась самая натуральная групповуха. Я аж потерялся и абсолютно забылся от такого обилия женского внимания. Она не сочла это за измену, даже наоборот подтолкнула, сказав, что Катя такая странная потому что ей давно не оказывали настоящего мужского внимания. А странностей в ней было хоть отбавляй, она могла засмеяться на пустом месте, могла так-же на пустом месте сделать крайне жалобный вид и казалось бы вот-вот заплакать. Но намек она восприняла на мой взгляд адекватно, покраснела, начала улыбаться, стрелять своими пустыми глазами. Её фраза: "а может втроем?" буквально взорвала это скопившееся за чаепитием возбуждение, на тот момент у нас не было никаких мыслей вроде неправильности и некультурности совершаемого в эту ночь. Нам было приятно, по-настоящему весело и только в самом конце мне показалось, что всё-таки это отчасти неправильно даже и грязно, в тот самый момент, когда я бурно спустил ей на невинное кукольное личико свои мутные и блестящие киселеподобные капли. Насколько же глубоко я погрузился в эту грязную похоть и извращения. Уж теперь-то я как никогда далек от тех самых светлых арийских идеалов, зато как никогда стал близок к себе. Возможно, отчасти я и виноват в том, что скатился до

уровня измененного похотливого животного, но ведь когда-то я мечтал об этом. Глядя на то, как друг друга ласкают две девушки, мне почему-то показалось, что это как-то напрямую связано с заготавливаемой взрывчаткой. В голову закралась некоторая догадка, подстегнувшая меня продолжить ласкать в своё удовольствие эту пышногрудую девицу и забрызгать её уже изнутри.

***

Утро было тяжелым, болели все мышцы, но этот день был свободен. Его мы потратили на изготовление самодельной бомбы, даже не просто бомбы, а настоящего пояса шахида. Я понял, зачем и к чему всё это, потому делал всё без лишних слов. Катя говорила, что мы - счастливые люди, идеальная пара. Говорила что после вчерашнего наверное забеременела бы и родила ребенка, даже говорила в положительном ключе о тех, кого намеревалась взорвать.

- А у мусульман то многоженство разрешено, в исламских странах такое даже по закону возможно, взял бы меня в жены? - спрашивала будущая смертница.

- Взял бы Катюш, взял - засыпая готовую ТА с газеты в пакет, сказал я. Мне всё хотелось спросить, почему ей не хочется жить, но моя любовь сказала не спрашивать у неё об этом. Сказала, что узнаю только тогда, когда она навсегда уйдет. Потому мы спокойно обсуждали все темы, кроме этой. Она была очень симпатична, красива телом, прекрасна в сексе и даже весела, позитивна. Я даже предлагал ей не взрывать себя, а просто быть вместе с нами, но она наотрез отказывалась, причём отчетливо давая понять, что это не обсуждается.

Прихватывая скотчем конструкцию, я обдумывал разные версии её самоотречения и столь удивительно героического решения. Ей было суждено стать первой, по-настоящему русской, террористкой-смертницей. Наиболее правдоподобной версией мне показалось изнасилование её в детстве толпой чурок, если учесть её весьма сильную ксенофобию. Но я уже хорошенько ею попользовался, потому всячески гнал от себя эту версию, но она почему-то надежно закрепилась в моём сознании и вызывала ощутимый дискомфорт.

Бомба была готова, килограмм пять. Три килограмма взрывчатки, два - убийных элементов в виде блестящих

стальных шариков разного диаметра – от 4 до 10мм, от подшипников. Всё это добро должно было крепиться при помощи ремней у неё на животе. Ей понравился этот метод крепления, она поглаживала смертоносный сверток, будто спящего в утробе младенца.

– А мне идет выглядеть беременной, да?

– Конечно идет, моя сладкая – сказала моя роковая девушка Катюше, поглаживая её пышные груди с выступающими через полупрозрачную майку загрубевшими сосками, лаская своими длинными тонкими пальцами взрывное устройство, после чего встала перед ней на колени и поцеловала его – я люблю тебя, мы ведь ещё встретимся.

– Конечно встретимся, мы сольемся в первородной тьме и хаосе, надо высвободиться из этих мясных оболочек, раз душа созрела.

Последнее желание Катюши оказалось более чем плотским, но вовсе не низменным, просто лучшим из доступного. Нашими совместными усилиями она была доведена до полного изнеможения и экстаза, настоящей оргазменной нирваны, до ухода в астральные миры. Аж скулы свело от такой натужной работы, зато её желание было выполнено сполна. Это намащенное, блестящее тело лежало, тяжело и прерывисто дыша, в полном беспомоществе, пока мы бурно выплескивали друг на друга последнюю оставшуюся страсть. Природа будто изо всех сил требовала от меня сохранить как можно больше моего столь полезного кода ДНК в своих потомках.

***

План её самоподрыва был относительно неплохо продуман. В последнее время в мечетях стало на удивление много молящихся, было нетрудно догадаться, с чем это связано. Дабы её подвиг не остался бесславным, она написала от руки несколько незамысловатых листовок, обильно украсив её солярными символами и кельтскими крестами, подписав в конце для большего эффекта словосочетание "белая месть". Несколько таких листовок она бросила в урну возле мечети, несколько приткнула в ограду, а несколько, по словам свидетелей произошедшего, разбросала прямо перед самым взрывом.

Перед отправкой в последний путь, мы обрили её наголо, наклеили накладную бороду и немного

загримировали. Перед самым её уходом в бесконечность, я добавил последний штрих, одел на неё дутую куртку соратника, успешно скрывающую её фигуру. Это было для меня неким символом, что-то будто подсказало мне, что по пути она не раздумает, сделает всё как запланировала. И сделала. Её последнее видеообращение, компакт-диски с которым она также оставила возле мечети транслировались по всем каналам, оно было незамысловатым и крайне резким, полным мата и повторяющихся слов. Показали также и её обескураженных родителей, удивление которых не находило предела. Также помимо прочего была озвучена и причина, по которой она решилась на этот поступок – рак. Ей всё равно оставалось недолго, не более трех месяцев. Видимо врачи и не подумали, что она столь смело решит сократить отведенное ей болезнью время.

Взрыв был просто потрясающим – 50 с лишним трупов, более сотни раненных. Не нашедшие своей жертвы разящие стальные шарики с огромной скоростью вылетали в выбитые окна, отскакивали рикошетом от стен и повторно секли охувших бегущих вон из своего божьего храма мунафиков. Случившееся вскоре начали транслировать мировые СМИ, о происходящем в стране заговорили даже лидеры других стран. Оставалось ждать лишь ответной реакции. Примечательным было то, что на откровенно исламско-экстремистских сайтах данный случай обсуждался особо горячо и в весьма позитивном ключе, очень часто повторяя что ни одного настоящего мусульманина там не пострадало.

Ответная реакция наступила незамедлительно и крайне агрессивно, огромной растущей толпой начала громить витрины магазинов, переворачивать и жечь машины, бить окна в жилых домах и выкрикивать русофобские лозунги. Начались масштабные столкновения с ОМОНОм. Даже предупредительные очереди из автоматов поверх голов, слезоточивый газ и водомёты не могли усмирить этот животный гнев, эту первородную агрессию. Выстрелы на поражение не утихомирили толпу, а лишь резко рассредоточили, после чего рассеяли малыми мобильными группами по всему городу. Эскалация насилия не прекращалась, изнасилования, убийства и отрезанные головы на улицах посреди бела дня оказались для москвичей в новинку. Это был уже не протест, так началась война.

Наименее агрессивные мусульмане и просто недостаточно белые всюду паковали чемоданы из раскалившейся Москвы. Ксенофобия в рядах правоохранительных и силовых структур резко возросла. Вот так вот вскоре на скамью подсудимых попало несколько ППСников, в пьяном виде принявшихся развезать на патрульном УАЗе и расстреливать всех "подозрительно ведущих себя граждан". Точнее всех подряд, кто не был похож на русских, 28 трупов они объяснили неправильно понятым приказом начальства "всеми методами пресекать преступные деяния на патрулируемой территории", оправдать наличие в служебном автомобиле пяти бутылок водки они никак не смогли.

Нам же более ничего не оставалось делать, кроме как наблюдать по телевизору за происходящим. Ясно было одно - старт дан, более всё не будет как раньше. Каждую ночь происходили самые настоящие боестолкновения между русской молодежью и приезжими, однажды мы пронаблюдали акт такого вот противостояния прямо из окна. Ночью мы услышали выстрелы, выглянув в окно, разглядели возле магазина самое настоящее побоище, кучу-малу из лежащих и дерущихся тел, снова слышались выстрелы из травматика, мат, звуки бьющихся бутылок и шлейфующей "копейки", пытающейся задавить кого-нибудь из рассыпающейся во все стороны кучи, но как только приехал отряд ОМОНа - толпа рассыпалась.

Мы наблюдали за захватывающими телесюжетами, периодически предаваясь спонтанно возникающей животной страсти, уж больно высоким было напряжение и накал переживаемых эмоций.

***

Пожалуй, мы дождались бы русской революции и даже приняли бы в ней некоторое участие, если бы не произошло непредвиденное. Это было настоящей неожиданностью для меня, а особенно для неё.

Звонок в дверь прозвучал несколько неожиданно, заставив взять меня в руки "сайгу" 20го калибра. Глянув в глазок, я увидел там топчущуюся прилично одетую фигуру человека, весьма кавказской внешности. Лет 40 на вид, легкая седина в темных волосах и какие-то пронзительные голубые глаза. Что-то в этом лице было не так, что-то было в нём такое странное. Она

отодвинула меня от двери и глянула сама в глазок, после чего резким шепотом сказала мне спрятать оружие, чем неслабо меня удивила. Я сделал всё, как она сказала, но всё равно сунул на всякий случай в карман нож. Тем временем она открыла дверь...

- Дядя Заза - удивленно произнесла она

- Здравствуй - произнес грубый мужской голос. Я почему-то сразу понял что к чему, пройдя в прихожую я увидел там счастливые семейные объятия. Она сразу познакомила нас. Пожав друг другу руки, мы отправились к столу, где за чашкой чая я получше познакомился с родственником моей возлюбленной. Оказалось, что он приехал не просто повидать племянницу, он приехал с весьма прямым предложением для нас - уехать к её родственникам в Грузию, хотя-бы на время, переждать происходящее в России. Это было сложным для меня решением, очень сложным, на которое в большей степени повлияла она. Она намекнула своему дяде Зазе, что у нас некоторые проблемы с законом. Соврала что у меня уже есть судимости и из страны у меня просто так выехать вряд ли получится. На что он невозмутимо ответил, что какие надо документы это не проблема, всё будет, нужно просто чуточку подождать, всего пару дней.

- Ну так вы точно поедете?

- Точно - ответил Я

- Точно? - переспросил Заза

- Да точно, точно - ответила она.

- Тогда всё будет, обещаю.

Я почему-то не очень доверял этому человеку, несмотря на то, что она говорила мне расслабиться, что это её родной дядя и кто-кто, но он не обманет. Меня же глодало чувство того, что это какая-то подстава.

Следуя её совету, мы всё-таки разобрали, и "законсервировав" оружие, сделали возле того самого заброшенного кирпичного дома тайник, куда и сложили всё, оставив себе на случай форс-мажорных обстоятельств лишь не относящиеся к ХО ножи и пару травматов.

***

Я не пожалел о сделанном выборе. После всех этих злоключений я всё-таки обрел свой покой среди этих прекрасных гор и долин. Её дядя предоставил нам

паспорта этой замечательной горной страны, теперь я Георгий Шавелашвили, а она моя жена, и теперь у нас уже трое замечательных белых детей. Это не предательство, это просто тихий уход на покой. Мы живем в прекрасном двухэтажном красном кирпичном доме, а в саду у нас растет замечательная хурма, мандарины и виноград. Нас теперь не достанут, потому как больше никому. Данные о тайнике я просто слил одним хорошим людям, это оружие очень пригодилось им в разгоревшемся пламени революции, навсегда уничтожившей прежний порядок в той стране. Возможно, когда-нибудь мы ещё вернемся туда. Но пока что нам нравится и здесь.

P.S. посвящаю всем самым дорогим и любимым мною людям.

Конец повествования